

ROMAN MYSTIQUE

ДЖИНН КАЛОГРИДИС

Договор с вампиром

Дженин Калогридис — Адакум

Дневники династии Дракула

Джинн Калогридис

Договор с вампиром

1994

Калогридис Д.

Договор с вампиром / Д. Калогридис — 1994 — (Дневники династии Дракула)

Новая интригующая версия легенды о таинственном трансильванском князе Дракуле. Середина XIX века. В родовой замок, затерявшийся в одном из самых глухих уголков Карпатских гор, возвращается после смерти отца Аркадий Цепеш – племянник старого графа. С первых же дней пребывания в замке он становится не только свидетелем, но и участником странных, мистических, а подчас и поистине жутких событий, которые едва не сводят молодого человека с ума. Лишь благодаря тому, что Аркадию наконец открывается истина, ему удастся сохранить рассудок. Однако эта истина гораздо ужаснее всего, что способно нарисовать воспаленное воображение.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

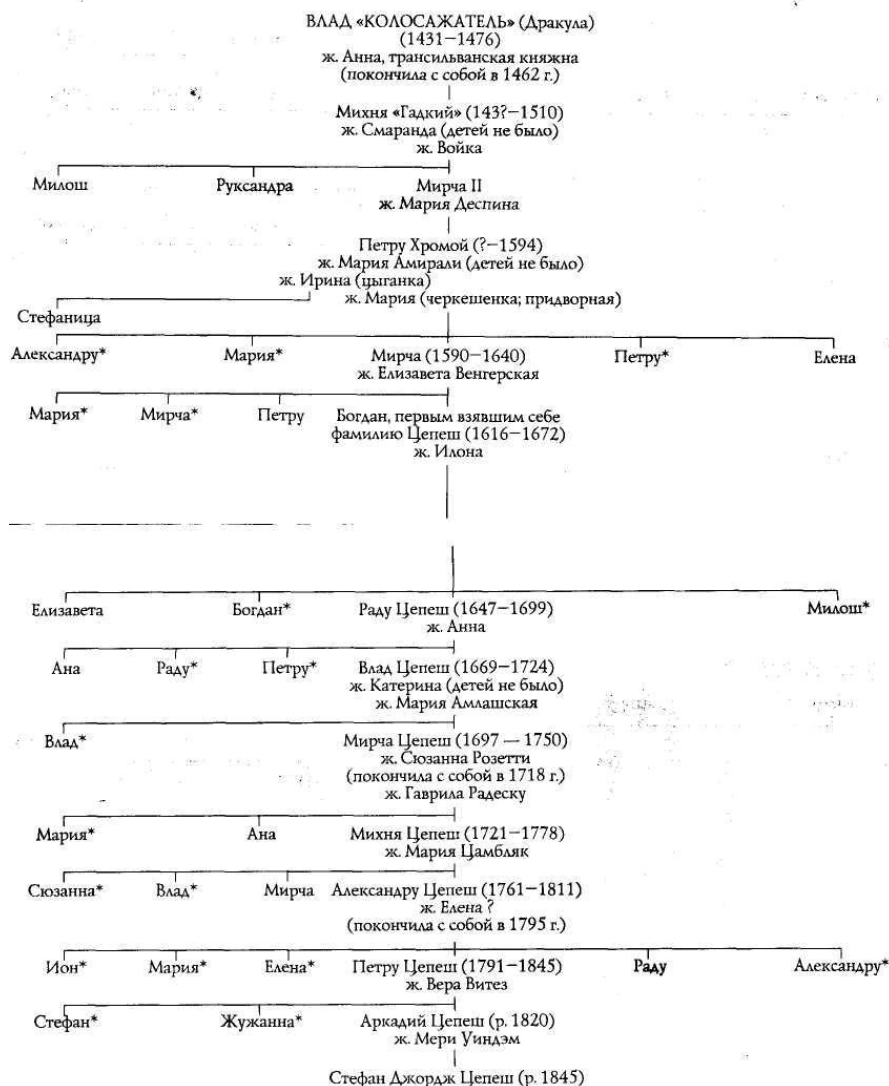
Джинн Калогридис Договор с вампиром

*Дьявол – он ведь тоже ангел.
Мигель де Унамуно (испанский писатель и философ, 1864-1936)*

Посвящается S.

* * *

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ДИНАСТИИ ДРАКУЛА

* Дети, либо умершие совсем маленькими, либо родившиеся с физическими и/или психическими недостатками.

ДНЕВНИК АРКАДИЯ ЦЕПЕША

(Без даты; написано второпях на внутренней стороне обложки)

Господь, в Которого я не верю, помоги мне! Я не верю в Тебя... точнее, не верил. Но если существует бесконечное Зло, каким я уже стал... я уповаю, что наряду с ним существует и бесконечное Добро, и да будет оно милосердным к тому, что осталось от моей души.

Я – волк. Я – Дракул. Мои руки обагрены кровью невинных жертв. Но теперь я хочу убить его...

Глава 1

ДНЕВНИК АРКАДИЯ ЦЕПЕША

5 апреля 1845 года

Отец умер.

Мери давно уже спит, лежа в старой низенькой кровати на колесиках, на которой в детстве мы спали с моим братом Стефаном. Бедняжка, она так утомилась, что даже мерцание моей свечи ей не мешает. До чего же странно видеть Мери рядом с незримо присутствующим призраком маленького Стефана, среди предметов, знакомых мне с детства, в этой комнате с высокими потолками и толстыми каменными стенами, наконец, в этом доме, где, кажется, до сих пор бродят тени моих предков. Такое ощущение, будто мое прошлое и настоящее неожиданно столкнулись.

Я сижу за старинным дубовым письменным столом, за которым сживал еще мальчишкой, постигая азы грамоты. Левая рука лежит на его крышке, отполированной и исцарапанной несколькими поколениями маленьких непоседливых Цепешей. Скоро взойдет солнце. Я смотрю в окно, обращенное на север, где сквозь мглу проступают величественные стены фамильного замка. Кроме дяди, там сейчас никто не живет. Я с гордостью думаю о своих предках, о славной истории нашего рода и не могу сдержать слез. Я плачу тихо, чтобы не разбудить Мери, однако слезы не приносят облегчения, и только когда я вожу пером по бумаге, это хоть как-то притупляет горечь утраты. Я решил вести дневник и записывать туда события всех этих печальных дней, дабы лучше помнить отца. Я просто обязан сохранить в сердце неувядаемую память о нем, чтобы в будущем суметь нарисовать своему еще не родившемуся потомку (я пишу "потомок", поскольку нам не дано знать, кто у нас родится) словесный портрет деда.

Как я надеялся, что отец дождется внуков...

Нет. Довольно слез. Писать! Если Мери проснется и застанет меня в таком виде, это лишь добавит ей страданий. Она и так достаточно настрадалась по моей вине.

В течение нескольких минувших дней мы находились в непрерывном движении, путешествуя по морю и по суше, меняя корабль на поезд, а поезд – на дилижанс. Мне казалось, что я перемещаюсь не столько в пространстве, сколько во времени. Там, в Англии, как будто осталось мое настоящее, а сам я быстро и неумолимо возвращался в мрачное прошлое своих предков. Лежа в купе спального вагона, в котором мы выехали из Вены, я прислушивался к дыханию спящей Мери и смотрел на игру света и теней за плотно зашторенным окном. У меня вдруг возникла пугающая уверенность, что наша счастливая лондонская жизнь окончилась навсегда и больше уже не вернется. Мери и наш будущий ребенок – только они связывали меня с той жизнью. Мери – мой спасительный якорь – крепко спала, уверенная в моей любви, крепости наших уз, исполненная радости скорого материнства. Она спала на боку – только так она и могла спать, будучи на седьмом месяце беременности. Белые, словно алебастровые, веки, окаймленные золотом, были плотно сомкнуты, пряча безбрежную синеву ее глаз. Тонкая ткань ночной сорочки лишь подчеркивала внушительные размеры ее чрева, скрывавшего наше будущее. Осторожно, чтобы не разбудить жену, я коснулся ее живота и не смог сдержать благодарных слез. Мери – она такая сильная, спокойная и одновременно безмятежная, как море в штиль. Я старался спрятать свои чувства, опасаясь, что их напор дурно подействует на нее. Я всегда твердил себе: эта сторона моего характера осталась в Трансильвании¹ – мрачном краю, порождавшем в душе тоску и отчаяние. Только покинув родину, я узнал, что такое настоящее счастье. До отъезда в Англию я написал на родном языке целые тома печальных и весьма зау-

¹ Трансильвания (дословно «Залесье») – историческая область на севере Румынии. В XIX веке была провинцией Австро-Венгерской империи. – Здесь и далее примечания переводчика.

ных стихов, но на берегах Альбиона оставил это занятие. У меня никогда не возникало желания попробовать писать стихи по-английски.

В Англии у меня была совсем другая жизнь, но теперь мое прошлое неотвратимо стало моим будущим.

Поезд, грохоча на стыках, увозил нас все дальше от Вены. Я лежал рядом с женой и еще не родившимся ребенком и плакал. Плакал от радости, что они рядом со мной, и от страха перед будущим, способным погасить эту радость. И еще я плакал от неопределенности жизни, что ожидала нас в старинном доме, затерянном среди карпатских гор.

В моем родном доме.

Однако, будучи предельно честным с самим собой, не могу сказать, чтобы известие о смерти отца явилось для меня неожиданностью, подобной грому среди ясного неба. Предчувствие его смерти не оставляло меня на всем пути от Бистрицы²(по-английски надо написать от Бистрица, а я решил вести свой дневник на английском, иначе язык слишком скоро забудется), и моя голова была полна мрачных мыслей. Телеграмму³ о болезни отца мы получили от Жужанны около десяти дней назад и с тех пор могли только гадать, стало ли отцу лучше или, наоборот, хуже. А тут еще кучер. Услышав, куда мы едем, этот сгорбленный старик взгляделся в меня, затем торопливо перекрестился и воскликнул:

– Храни меня Господь! Да вы из рода Дракула!

Звук ненавистного имени вогнал меня в краску.

– Моя фамилия Цепеш, – поправил я кучера, сознавая всю бессмысленность своих слов.

– Как вам будет угодно, добрый господин, только не говорите графу ничего худого обо мне!

Старик вновь перекрестился, теперь уже дрожащей рукой. Когда я сказал ему, что мой дядя (я привык называть этого человека дядей, хотя, если быть точным, дядей он приходился моему отцу, а мне – двоюродным дедом) уже выслал нам навстречу свой экипаж, у старика полились слезы и он стал умолять нас подождать до утра.

За годы, проведенные в Англии, я успел позабыть о суевериях и предрассудках, свойственных местным крестьянам. Забыл я и о страхе и тайной ненависти, с которыми здесь (да и не только здесь) относятся к боярам – родовой румынской аристократии. Я часто упрекал отца за презрение к крестьянам, сквозившее в его письмах. Теперь же я со стыдом обнаружил, что схожее чувство пробудилось и во мне.

– Что за глупости? – довольно грубо оборвал я причитания кучера.

Я был вынужден это сделать. Мери хотя и не понимала румынского, однако по лицу старика догадалась о его состоянии и теперь глядела на нас обоих с тревожным любопытством.

– Говорю тебе, с тобой не случится ничего дурного, – повторил я.

– И с моей семьей тоже? Тогда поклянитесь, добрый господин.

– И с твоей семьей тоже. Клянусь, – поспешно произнес я и помог Мери залезть в коляску. Не переставая кланяться, старик забрался на козлы.

– Благослови вас Бог, господин! И вашу жену тоже.

Как мог, я постарался удовлетворить любопытство Мери и рассеять ее подозрения, сказав, что местные жители неохотно ездят по лесным дорогам в темноте.

– Они боятся волков или разбойников? – спросила Мери.

– Они сами не знают, чего боятся. Предрассудки, дорогая, всегда лишены рациональной основы.

² Бистрица (Bistrija) – город на севере современной Румынии, недалеко от Восточных Карпат. Население около 80 тыс. человек. В XIX веке входил в состав Австро-Венгерской империи и являлся центром комитата (округа) Бистриц-Нашод.

³ Это фантазия автора. В 1845 году телеграфной связи между Англией и австро-венгерским захолустьем попросту не существовало. Первый телеграфный кабель через Ла-Манш, связавший Англию с Францией, был проложен только в 1852 г.

Коляска тронулась, и мы покатали в сторону Карпат. День клонился к вечеру. Разумнее было бы задержаться до утра в Бистрице и передохнуть – мы и так провели в дороге почти весь день. Но нам обоим не давали покоя слова из телеграммы Жужанны: "Приезжайте как можно скорее". К тому же, зная, что дядя послал за нами экипаж, мы не захотели заставлять тамошнего кучера дожидаться нас всю ночь.

Мы ехали вдоль карпатских предгорий. На холмах, живописно изрезанных перелесками, время от времени встречались одиноко стоящие домики – хутора. Изредка попадались деревушки. Мери не скрывала своего восхищения красотой моих родных мест и все время подбадривала меня. Я и в самом деле чувствовал себя виноватым перед нею. Привезти Мери в такую глушь, где все для нее незнакомое и чужое! Но честное слово, после нескольких лет жизни в громадном и грязном городе я успел позабыть не только о местных предрассудках. Я забыл, до чего же красива моя родная страна. А чистый и свежий воздух разительно отличался от лондонского зловония. Я сказал Мери, что через какой-нибудь месяц земля вокруг покроется цветами.

Прошло еще несколько часов. Солнце садилось, окрашивая в бледно-розовые тона величественные заснеженные вершины Карпат. Даже у меня, выросшего в этих местах, перехватило дух от сказочного великолепия природы. Признаюсь: тяжелые предчувствия не мешали мне гордиться родной землей и испытывать тоску по дому. А ведь я совсем забыл о нем в водовороте лондонской жизни.

Родной дом. Каких-то десять дней назад эти слова означали для меня Лондон...

Вместе с наступившими сумерками сумеречными сделались и мои мысли. Я вспоминал страх, мелькнувший в глазах нашего кучера, думал о предрассудках, которые, как в зеркале, отражались в его словах и жестах, и о враждебности, скрытой под внешней учтивостью.

Под стать моим мыслям изменился и пейзаж. Чем выше в горы увозила нас коляска, тем более чахлой и низкорослой становилась растительность. Когда мы поднялись по крутому склону, я заметил невдалеке сливовый сад. Точнее, бывший сливовый сад, ибо в деревьях, представших нашим взорам в сиреневых сумерках, давно иссякли жизнетворные соки. Их стволы чем-то напоминали сторбленные спины здешних старух-крестьянок, привыкших таскать на себе непомерные тяжести. Мертвые деревья молча зывали к небесам о милосердии. Мне вдруг показалось, что вся земля вокруг сторбилась. Горбатая земля, горбатые люди, причем суеверия горбили их еще сильнее, нежели тяжелая работа.

Удастся ли нам, оказавшись среди них, чувствовать себя по-настоящему счастливыми?

Вскоре стемнело. Чахлые фруктовые сады сменились прямыми и высокими соснами. Мелькание темных силуэтов деревьев на фоне еще более темной гряды гор, а также убаюкивающее покачивание рессорной коляски сморили меня, и я заснул.

Сон мой был тяжелым и сопровождался странными сновидениями.

Я вернулся в детство. Задрал голову, я разглядывал высоченные сосны, над которыми, будто горная вершина, возвышался дядин замок. Верхушки деревьев скрывали клочья тумана. Внизу было прохладно и сыро, пахло хвоей и недавно выпавшим дождем. Теплый ветерок приятно шевелил мои волосы, играл листьями и травой. Появилось солнце, и тысячи капелек вспыхнули бриллиантовыми россыпями.

В тишине раздался мальчишеский крик. Обернувшись, я увидел среди солнечных пятен своего старшего брата Стефана – веселого шестилетнего сорванца. Его темные глаза озорно блестели (наверняка задумал какую-нибудь очередную шалость), лицо, чем-то напоминавшее традиционное изображение сердца, раскраснелось. Губы над узким подбородком заговорщицки улыбались. Рядом с братом стоял здоровенный серый Пастух – помесь английского дога с волком. Нам он достался маленьким щенком и рос вместе с нами.

Махнув мне рукой, Стефан повернулся и побежал в лес. Пастух радостно устремился за ним.

Я почему-то испугался, но страх быстро прошел. Чего бояться, если с нами Пастух? Трудно было найти более преданного и свирепого защитника, чем этот пес. Да и отец где-то поблизости (это я знал с уверенностью сновидца), а потому с нами ничего не случится.

Я бросился вслед за Стефаном и Пастухом, смеясь и сердясь одновременно. Брат был старше меня всего на год, но в таком возрасте год – значительный срок. Он бежал быстрее, чем я. Услышав мои крики, Стефан ненадолго остановился, глянул через плечо и, довольный тем, что мне его не догнать, скрылся в темной, влажной листве.

Я тоже вбежал в лес. Приходилось то и дело нагибаться, иначе нижние ветви могли больно отхлестать по щекам и плечам и вдобавок окатить водой. Чем дальше я углублялся в лес, тем сумрачнее он становился. Вскоре мое лицо горело от пощечин, которые мне надавали коварные ветки. Мне было больно, глаза наполнились слезами, и теперь вместо смеха я всхлипывал, хватая ртом воздух. Я бежал все быстрее. А ветки словно сговорились меня задержать. Их очертания стали похожи на чудовищ из сказок. Я совсем потерял из виду и брата, и собаку. Правда, я еще слышал звонкий смех Стефана, но откуда-то издалека.

Трудно сказать, сколько времени я продирался сквозь эту угрюмую чащу. Мне казалось, что целую вечность. Вдруг смех брата оборвался. Послышался глухой стук, будто Стефан споткнулся и упал. Затем раздался его короткий пронзительный крик. На несколько секунд все смолкло, после чего я услышал негромкое, но жуткое урчание. Оно переросло в рычание. Стефан страшно завопил. Я бросился на его вопль, сам выкрикивая имя брата.

Деревья расступились, и я очутился на краю поляны. Солнце, пробивавшееся сквозь редеющий туман, освещало жуткую картину. Я застыл от ужаса: Пастух стоял над моим братом, сомкнув свои массивные челюсти на его шее. Заслышав мои шаги, пес поднял голову и невольно порвал зубами нежную кожу. С серебристой морды Пастуха капала кровь.

Я заглянул в глаза животного. Они были тусклыми и бесцветными, разительно отличаясь от привычно блестящих глаз нашей доброй и верной собаки. На меня смотрели белые глаза хищника. Глаза волка.

Увидев меня, Пастух оскалил зубы и угрожающе зарычал. Потом он медленно, очень медленно припал к земле, напряжился и прыгнул в мою сторону. Невзирая на приличный вес, Пастух взлетел в воздух, как пушинка. Я примерз к месту, но, к счастью, не утратил дара речи, ибо в следующее мгновение я завопил что есть мочи.

Откуда-то сзади ударил выстрел. Пастух испустил хриплый крик и рухнул замертво. Обернувшись, я увидел отца. Тот, отбросив дымящееся ружье, подбежал к Стефану, но поделять было уже ничего нельзя: Пастух – дотоле добрейший и послушнейший пес – разорвал моему брату горло. Я метнулся к Стефану. Мне почему-то было важно увидеть корень или корягу, за которую он зацепился, и камень, о который ударился головой.

А потом с поразительной ясностью, какой отличаются самые кошмарные сновидения, я увидел своего умирающего брата.

Из ранки на лбу густо струилась кровь, но эта рана казалась пустяком в сравнении с его горлом. Пастух за считанные секунды успел располосовать Стефану шею. Содранная кожа висела окровавленными лоскутами, и я не мог отвести взгляд от обнажившихся костей, хрящей и окровавленных жил.

Самое ужасное, что мой брат умирал, но еще не умер. Он силился в последний раз вдохнуть воздух, испустить последний крик. Стефан лежал, устремив на меня испуганные глаза, в которых застыла немая мольба о помощи. Из разорванной глотки, переливаясь на солнце, вылетали ярко-красные пузырьки – сотни маленьких окровавленных радуг. Стебельки травы, не успев просохнуть после дождя, сгибались под другой влагой – человеческой кровью.

Я пробудился от кошмарного сна как раз в тот момент, когда кучер остановил лошадей. Должно быть, я спал не менее часа, ибо мы успели въехать в ущелье Борго и добраться до того места, где мы планировали пересечь в карету, отправленную за нами дядей. Мери тоже

задремала, поскольку и она не сразу пришла в себя и некоторое время удивленно оглядывалась по сторонам. Сбросив остатки сна, мы выбрались из коляски. Я выгрузил наши вещи. Кучер, не проронив ни слова, развернулся и уехал, а мы остались ждать посланный за нами экипаж.

Ждали мы совсем недолго. Не прошло и пяти минут, как мы услышали скрип колес и стук копыт. Из ночного тумана вынырнула коляска, запряженная четверкой норовистых угольно-черных лошадей. Лошади бешено вращали глазами и раздували ноздри. Дядин кучер спрыгнул с козел и подошел к нам, чтобы поздороваться и погрузить наши вещи. Из отцовских писем я знал, что прежний кучер – старый Санду – умер пару лет назад. Новый был мне совершенно незнаком. Смуглый, светловолосый, с лицом, на котором за маской угодливости скрывались жестокость и несговорчивость. Человек этот не понравился мне сразу. Я не стал расспрашивать его об отце. Он тоже не проронил ни слова. Я решил: уж лучше дожидаться и все узнать от родных, чем задавать вопросы этому неприятному субъекту. Впрочем, он был достаточно расторопен, ибо вскоре наши чемоданы были погружены и надежно перехвачены веревками, а мы сами сидели в коляске, закутавшись в теплые накидки. Последнее было отнюдь не лишним, ибо ночью в горах холодно даже летом. Мы с Мери тоже молчали. Она вновь дремала. Мне спать не хотелось, и я убивал время, размышляя о недавно увиденном кошмаре. Конечно, если его вообще можно назвать сном.

Полагаю, это было не сновидение, а воспоминание, посетившее меня во сне. Возможно, толчком к нему послужил знакомый запах влажной сосновой хвои. Мой брат действительно погиб столь ужасающим образом, когда мне еще не исполнилось пяти лет. Но наяву все обстояло по-иному: я не отважился подойти к окровавленному Стефану. Когда я услышал его предсмертные хрипы и увидел склонившегося над ним отца, то почти сразу же потерял сознание.

Через несколько лет, когда отец более или менее оправился после трагической гибели Стефана и гнетущего чувства собственной вины (Боже, как он корил себя за доверие к Пастуху!), он рассказал мне о возможной причине того, что наша собака в мгновение ока превратилась в дикого зверя. Стефан, считал отец, споткнулся, упал и расшиб себе лоб. Хлынула кровь. Ее запах пробудил у Пастуха инстинкты хищника, и добродушный пес преобразился, став безжалостным волком. Пастух тут ни при чем – какой спрос с животного? А вот его самого, утверждал отец, судьба жестоко покарала за излишнюю доверчивость к собаке-полукровке.

* * *

Воспоминания о гибели Стефана наполнили меня ужасом, причем это ощущение нарастало. Увы, мои предчувствия оправдались...

К отцовскому дому мы подъехали около полуночи, проделав утомительный подъем по нескончаемому серпантину песчаных дорог. Мы с кучером помогли Мери выйти из коляски. (Мою жену потрясли размеры и величие дома, не идущего ни в какое сравнение с нашим скромным лондонским жильем. В Англии я предпочитал не говорить о том, насколько богат род Цепешей. Что-то скажет моя дорогая женушка завтра, когда взойдет солнце и она увидит старинный замок, рядом с которым даже этот внушительный особняк выглядит игрушечным?) Признаюсь, я пережил несколько мгновений неподдельного страха, когда с каменных ступенек к нам бросился здоровенный сенбернар. Однако в его лае не было ничего угрожающего, пес просто здоровался с нами. Вслед за ним на лестнице появился... мой умерший брат, что заставило меня сразу же позабыть про сенбернара.

Мраморно-белый лоб Стефана окаймляли иссиня-черные волосы. Прошло уже двадцать лет, но он оставался все тем же шестилетним мальчиком. Стефан медленно поднял руку, приветствуя меня. Я заморгал, посчитав увиденное галлюцинацией. Призрак брата не исчез. Только теперь я заметил, что бледная ладошка и разорванная белая полотняная рубашка

покрыты темно-красными пятнами (в лунном свете они выглядели почти черными). Я понял: брат поднял руку вовсе не для приветствия, а чтобы скрыть кровь.

Я неотрывно смотрел на призрачное видение. Стефан протянул ко мне руку (с его детских пальчиков капала кровь), указывая на что-то, находившееся у нас за спиной. Разумеется, Мери и кучер не видели призрака, поэтому я украдкой обернулся назад, но ничего не увидел. Только ночной лес с темными силуэтами деревьев.

Я вновь повернулся к Стефану, успевшему спуститься по каменным ступеням вниз. Он молчаливо, но выразительно указывал в сторону леса.

Я ощутил сильное головокружение и, невольно вскрикнув, закрыл глаза. В здешних краях полно легенд о мороях⁴ – неупокоившихся душах мертвецов. Крестьяне верят, будто тайные грехи или зарытые сокровища вынуждают эти души скитаться по земле до тех пор, пока не откроется правда. Но какие грехи могли быть у маленького Стефана? Сомнительно также, чтобы ребенок знал тайну спрятанного в лесу клада. Умом я понимал: призрачное видение вызвано всего лишь усталостью после длительного путешествия и страхом услышать печальное известие. Я причисляю себя к современным людям и верю в науку, а не в Бога и дьявола.

Я открыл глаза. Стефан исчез. В дверях стояла моя сестра Жужанна.

Мое сердце сжалось от боли. Мери поспешно прикрыла рукой рот, но и у нее вырвался горестный стон. Мы оба сразу же поняли: мой отец мертв. Жужанна была в трауре, ее глаза покраснели и опухли от слез. Обрадовавшись встрече, она попыталась улыбнуться нам, но улыбка мгновенно погасла под тяжестью горя.

Милая моя сестричка, как же ты постарела за эти несколько лет, что я отсутствовал дома!.. Она была старше меня всего на два года, а казалось – на все пятнадцать. В ее иссиня-черных волосах (таких же, как у меня и у маленького Стефана) появилась седина, посеребрившая виски и макушку. Осунувшееся лицо избороздили морщины. Смерть отца придавила Жужанну. Мне стало стыдно: ведь все самое тяжелое легло на ее хрупкие плечи.

Я бросился к ней, миновав то место, где совсем недавно стоял призрак Стефана. Жужанна успела сделать всего лишь шаг. Я нежно обнял ее. Мы оба зарыдали, не стесняясь своих слез.

– Каша, – повторяла она. – Каша, милый...

Меня давно так никто не называл, и это детское имя-прозвище больно царапнуло меня по сердцу. (Объясню происхождение этого странного имени. В детстве у нас была старая повариха из русских, звавшая меня уменьшительным русским именем Аркаша. Если отбросить первые две буквы, получалось "каша" – весьма странное и противное кушанье, которым нас изо дня в день кормили на завтрак. Правда, мне часто удавалось одурачить повариху: выкинув куда-нибудь ненавистную кашу, я предъявлял старухе пустую тарелку и уверял, что все съел. Жужанна любила меня поддразнивать, называя Кашей. Незаметно это имя пристало ко мне.). Жужанна показалась мне совсем бесплотной, и, как бы ни был я охвачен горем, меня серьезно встревожило ее состояние. Сестра родилась хромой и с искривленным позвоночником. Сколько я ее помню, она всегда была слабым и болезненным созданием.

– Когда, Жужа? – спросил я по-румынски.

Неужели я четыре года провел в Лондоне, разговаривая исключительно по-английски и почти забыв о своей принадлежности к роду Цепешей? В тот момент мне казалось, что я никуда не уезжал.

– Вечером, сразу после заката, – ответила она, и я сразу же вспомнил кошмарный сон, привидевшийся мне, когда мы ехали в коляске. – Где-то в полдень он впал в беспамятство и в сознание больше не приходил. Но до этого отец успел продиктовать тебе письмо...

⁴ Moroi (рум.) – вампир, упырь, вурдалак.

Утирая платком слезы, Жужанна подала мне сложенный лист бумаги, который я не глядя опустил в карман жилетки.

Громадный сенбернар взбежал по ступеням и остановился подле хозяйки. Я невольно отпрянул. Жужанна поняла мой жест – когда Пастух разорвал Стефану горло, ей было семь.

– Не бойся, – сказала она мне, поглаживая пса. – Брут – собака чистых кровей. Он очень добрый и покладистый.

Ну и имя! Интересно, что заставило мою сестру так назвать своего любимца?

Жужанна проковыляла вниз и подошла к Мери, которая до сих пор терпеливо стояла в стороне, не желая нам мешать.

– Какая же я все-таки грубая, – по-английски сказала Жужа. – Давно мечтала увидеть свою дорогую невестку, а теперь заставляю ее ждать. Добро пожаловать, Мери.

После нескольких лет, проведенных в Лондоне, акцент сестры резал мне ухо. Мери тоже несколько опешила. Она привыкла читать письма Жужанны, написанные безупречным литературным английским языком, и, наверное, решила, что речь последней отличается такой же безупречностью.

Со всем изяществом, какое позволяло нынешнее положение, Мери пошла навстречу Жуже и, поцеловав мою сестру, произнесла:

– Ваши удивительные письма покорили меня. Мне казалось, что мы с вами – давние подруги. Как я рада наконец увидеть вас, и как жаль, что наша первая встреча происходит при столь печальных обстоятельствах!

Жужанна взяла Мери за руку и повела с ночного холода в теплый дом. Неужели я снова очутился в знакомой большой гостиной? Всхлипывая и вытирая слезы, Жужа рассказала нам о болезни отца и его последних днях. Наш разговор продолжался около часа. Затем, спохватившись, сестра заявила, что проводит нас в нашу комнату (мою прежнюю комнату!), ибо Мери сильно утомилась и нуждается в отдыхе. Уложив жену в кровать, я отправился с Жужей к отцу.

Выйдя из восточного крыла дома, мы миновали поросший травой холм и оказались возле семейной часовни. Точнее, перед тем, что некогда было семейной часовней, поскольку отец никогда не скрывал своих атеистических воззрений, привив и нам скептическое отношение к церкви и ее требованиям. Еще издали мы услышали мелодично-печальные голоса плакальщиц, исполнявших бочете⁵ – традиционные песни-причитания. Рискну перевести на английский несколько строк из одной песни:

*Отче, от нас уходить не спеши,
Встань же и слезы нам осуши.
Еще не пробил час смертный твой —
Молви нам слово, очи открой.*

Все христианские атрибуты часовни: иконы, статуи и кресты – давным-давно были удалены из алтаря, но остались на стенах в виде ярких мозаичных изображений святых, выполненных в древних византийских канонах. Купол, в центре которого крепилась цепь массивной люстры, также был мозаичным. Христос-Спаситель бесстрастно взирал с вышины на человеческую суету. Войдя, я сразу же увидел изображения, которые очень любил разглядывать в детстве: великомученик Стефан⁶ (его я всегда отождествлял со своим братом), Люцифер, падающий с небес, и доблестный святой Георгий, убивающий ненасытного дракона.

Здание часовни утратило свое первоначальное назначение и из места молитв превратилось в место уединенных размышлений. Тем не менее, здесь все равно сохранялась атмосфера

⁵ Vocete (рум.) – особый вид причитаний, который специально нанятые плакальщицы исполняют у тела усопшего в ночь перед похоронами.

⁶ Великомученик, забитый камнями за проповедь учения Христа (см: Деяния Апостолов, 6:5,6:8 – 8:2). Следует отметить, что самое деятельное участие в расправе над Стефаном принимал некто Савл – впоследствии ревностный христианин, апостол Павел.

благоговейного покоя. Несколько лет подряд (тяжелых лет), пока не начала рубцеваться рана, нанесенная отцу гибелью Стефана, он часами просиживал здесь.

Мы тихо прошли к задней стене часовни. Она служила усыпальницей. На золотых табличках были выгравированы имена наших предков, обретших здесь последнее пристанище. В часовне уже давно никого не хоронили, ибо полтора века назад на полпути между домом и замком воздвигли новую усыпальницу. Я шел мимо умерших предков, чувствуя на себе их взгляды. В шелесте нашей одежды мне слышался их одобрителный шепот. Меня охватило весьма странное чувство – предельно обостренное чувство времени. Подобное чувство возникало у меня, когда я путешествовал. Только сейчас я двигался не назад, в минувшие эпохи, а вперед. Я двигался быстро, почти бегом (как тогда бежали Стефан и Пастух), навстречу настоящему. Навстречу судьбе.

Отец лежал близ алтаря, в гробу, сделанном из отполированного вишневого дерева (мне сразу вспомнился Стефан, лежавший в своем детском гробике). Сам алтарь был затянут черной материей и уставлен зажженными свечами. Рядом с изголовьем и ногами покойного горело по толстой погребальной свече в бронзовом подсвечнике. По обе стороны от изголовья стояли женщины в черном, исполнявшие бочете. Они напоминали отцу обо всех, кого он покинул, будто и в самом деле верили, что отец повременит уходить в мир иной и откроет глаза. Я застыл в нескольких футах от гроба. Мне не хотелось приближаться, чтобы плакальщицы видели мое горе.

– Оставь меня, Жужа, – попросил я сестру. – Пойди отдохни. Ты и так заботилась об отце все эти годы. Теперь я о нем позабочусь.

Последние слова наверняка показались бы моей жене достаточно странными, однако у нас существует обычай: не оставлять на ночь покойника одного. Полагаю, этот обычай, как и большинство остальных, обусловлен крестьянскими суевериями и невежеством. Считается, что в ночные часы нужно оберегать душу усопшего от всех злых сил, которые попытаются ее похитить. Представляю, как бы это не понравилось моему отцу, всегда восстававшему против крестьянских суеверий. Мне же хотелось не столько соблюсти традицию, сколько выказать свое уважение отцу. К сожалению, я приехал слишком поздно и уже ничем иным не мог ему помочь. Пусть хоть так я отдам ему дань памяти. Мой отец был добрым и терпимым человеком. Думаю, он понял бы, что движет мною, и не стал бы противиться.

В горе ведешь себя вопреки здравому смыслу. Я вдруг почувствовал, что меня раздражают плакальщицы. Как странно: получалось, сам я имел право соблюсти старинный обычай (который, повторяю, никогда не нравился моему отцу), а плакальщицам в этом праве отказывал. Объяснение нашлось почти сразу же: я был сыном покойного и хотел остаться с отцом наедине, без присутствия кого бы то ни было.

Жужанна не стала мне возражать. Прежде чем уйти, сестра сказала:

– Вечером приходил слуга из замка. Принес мне письмо от дяди. Прочти.

Она достала из-за пояса письмо и подала мне. Я развернул лист и узнал мелкий, как бисер, почерк дяди. Вот перевод этого письма (в той мере, в какой я сумел запомнить содержание):

Милая моя Жужанна!

Позволь мне высказать в этом письме свои самые искренние соболезнования. Я целиком разделяю твою горе и скорбю вместе с тобой. Ты наверняка знаешь, что во всем мире не было для меня человека ближе и дороже, чем твой отец. Если б не его блестящее и разумное управление хозяйством, я бы давно разорился и погиб. Но деловые отношения были лишь малой частью того, что нас связывало. Хотя Петру приходился мне племянником, я любил его, как брата, а тебя с Аркадием – как своих детей. Верь мне: пока я дышу, вы оба не будете ни в чем нуждаться. Пока я жив, вам нечего бояться. Ведь вы – последние в роду Цепешей, гордость

нашей династии и надежда на будущее. Дорогая, если сейчас тебе что-либо нужно или же есть нечто, что тебе просто хотелось бы иметь, окажи мне честь и позволь исполнить твое желание.

Передай от меня привет нашему дорогому Аркадию (он ведь должен сегодня приехать) и его жене, а также мои искренние соболезнования. Надеюсь, они добирались сюда с максимальными удобствами и ничем не рисковали. Жаль, что кончина Петру омрачит им радость приезда.

Я нанял плакальщиц, они будут петь бочете по твоему отцу. Пожалуйста, не тревожься насчет устройства похорон. Все хлопоты я возьму на себя. С твоего позволения, сегодня я навещу часовню, дабы провести некоторое время рядом с покойным. Поскольку это будет поздно ночью, я не хочу никого тревожить и всего лишь прошу не запирайте ее дверь.

Твой любящий дядя В.

Я кивнул Жужанне, показывая, что дочитал письмо. Она молча сложила лист и убрала его обратно за пояс. Мы понимающе переглянулись – Жужа предупредила, что мое уединение может оказаться нарушенным. Взглянув с любовью и почтением на отца, сестра приподнялась на цыпочки и нежно поцеловала меня в щеку.

Я стоял, не шевелясь, и слушал причитания плакальщиц и неуверенные, шаркающие шаги Жужанны по холодным каменным плитам. Скрипнули петли тяжелой двери. Жужа ушла.

Я повернулся к плакальщицам и велел:

– Ступайте отсюда.

Плакальщица помоложе испуганно взглянула на меня, но продолжала петь. Вторая опустила глаза и с тем же рабским страхом, что и кучер, везший нас до ущелья Борго, пролепетала:

– Господин, мы не смеем уйти отсюда. Нас ведь наняли петь бочете. Если пение прекратится хоть на минуту, то душа вашего отца не сможет обрести покой!

– Уходите, – повторил я, слишком истерзанный горем, чтобы вступать в спор.

– Господин, как вы не понимаете? Граф очень хорошо нам заплатил. Он разгневется, если мы...

– Я отпускаю вас!

Резко махнув рукой, я указал плакальщицам на дверь. Обе женщины боязливо покосились на меня, не зная, как быть.

– Ступайте отсюда! Если граф рассердится, я все ему объясню.

Черные юбки плакальщиц зашелестели по полу. Женщины послушно направились к двери, успев несколько раз обернуться в мою сторону. Глаза их были полны немного ужаса.

Наконец-то я остался один. Глубоко вздохнув, я подошел к гробу и остановился возле тела моего дорогого, любимого отца. В жизни он был высоким, ладным человеком, но, как и Жужанна, сильно постарел за эти несколько лет. Когда я уезжал, седина только-только начала пробиваться в отцовских волосах. Теперь его шевелюра была почти сплошь седой, да и морщин заметно прибавилось. Кроме гибели Стефана, в отцовской жизни хватало трагедий. Из-за близких браков между боярскими родами в последних поколениях династии Цепешей дети часто либо умирали во младенчестве, либо страдали слабоумием или телесными недостатками. Мой прадед, бабушка и тетка по отцовской линии лишились рассудка, другая тетка и двое дядьев умерли в раннем детстве от чахотки. Из поколения отца только он и его младший брат Раду избежали родового проклятия и дожили до взрослых лет. Но все равно судьба была немилостива к отцу. Жужанна родилась хромой и с искривленным позвоночником, что обрекало ее на одинокую жизнь старой девы. Я был совсем маленьким, когда умерла моя мать, а потом трагически погиб Стефан. Меня охватило жгучее чувство вины, я с грустью осознал, что мой отъезд в Англию явился одной из причин, приведших к преждевременной смерти отца. Он умер, так и не увидев нашего ребенка.

(Мое дорогое, еще не родившееся дитя! Как жаль, что тебе не суждено узнать любовь твоего деда, его доброту и отзывчивость. Как бы он баловал тебя, наше с Мери старшее, а то

и вовсе единственное чадо, – он мастерил бы тебе деревянные игрушки, как некогда делал их для меня, Жужанны и Стефана. Чтобы представить, как выглядел твой дед, тебе достаточно взглянуть на меня. Мои острые черты лица и ястребиный нос – от него, мои волосы цвета воронова крыла – тоже от него. И только цвет глаз мне достался в равной мере от обоих родителей: у меня они светло-карие, в то время как у отца – зеленые, а у матери – темно-карие. Жаль, что мне не удастся столь же подробно рассказать тебе о твоей бабушке. Все, что я знаю о ней, мне известно главным образом со слов отца. Твоя бабушка, а моя мать, умерла вскоре после моего рождения.)

Я глядел на бледное, застывшее отцовское лицо. Оно стало еще уже, а его черты – еще острее. Глаза отца были закрыты. Осознав, что больше никогда не загляну в его умные зеленые глаза, я разразился коротким, судорожным рыданием. Я горько плакал, прислонившись щекой к его холодной, неподвижной груди, и, точно малый ребенок, умолял его хоть на несколько секунд открыть глаза. Хоть на мгновение.

Не знаю, сколько времени продолжались мои стенания. Затем я несколько успокоился и тут обнаружил, что мою щеку царапает какой-то холодный металлический предмет. Я повернул голову и увидел большое золотое распятие, прикрепленное к четкам, надетым отцу на шею. Несомненно, кто-то из этих темных крестьянок осмелился так поступить, а ведь они прекрасно знали, насколько это оскорбительно для него, ненавидевшего суеверия. Рассердившись, я схватил четки, намереваясь сдернуть их. Нитка лопнула и оборвалась, и часть бусин упала в гроб, остальные рассыпались по полу. Я швырнул остатки бусин вместе с распятием в дальний угол часовни. Золотой крест с легким звоном чиркнул по каменной стене и упал.

Гнев на время приглушил мое горе. Потом я заставил себя успокоиться. И в самом деле, вправе ли я злиться на этих добрых, но невежественных женщин? Вряд ли они сознательно хотели оскорбить память моего отца. Скорее всего, они руководствовались самыми благими намерениями. Я поднялся, собрал рассыпанные бусины, отыскал упавшее распятие и убрал в карман жилетки. Ощувив под пальцами письмо, надиктованное отцом, я уселся на скамью возле гроба и развернул лист плотной бумаги. Мои глаза побежали по строчкам, написанным четким округлым почерком Жужанны.

Аркадий, милый мой мальчик!

Когда ты прочтешь эти слова, меня уже не будет в живых. (В этом месте, невзирая на плотность бумаги, чернила расплылись.) Мне бы очень хотелось, чтобы ты с женой и ребенком вернулся в Англию и продолжал вести жизнь, к которой успел привыкнуть. Но думаю, ты поймешь, что без твоей помощи дядя окажется совершенно беспомощным, ибо некому будет управлять хозяйством. Ты должен занять мое место и во имя благополучия нашего рода исполнять все повеления графа. Таков твой удел, сын мой, и иной судьбы тебе не дано.

С каким бы злом ни пришлось тебе столкнуться, непременно помни, что я любил тебя всей душой. И дядя, сколь странным ни казалось бы тебе его поведение, тоже по-своему любит тебя. Пусть это поддерживает тебя во всех грядущих испытаниях.

Прощай! И да пребудет моя любовь с тобой, а также с моей дорогой невесткой и малюткой, которого мне не суждено увидеть.

Отец.

Я еще острее почувствовал тяжесть утраты и какое-то время просидел в полном оцепенении. Слова отца о необходимости занять его место отнюдь не явились для меня неожиданно. После телеграммы от Жужанны мы с Мери постоянно возвращались в своих разговорах к этой теме. Помнится, когда я уезжал в Англию, у меня и в мыслях не было там остаться. Я ехал учиться, а по завершении курса намеревался вернуться домой и помогать отцу в управлении дядиным хозяйством. Зная дядин возраст, мне казалось, что к тому времени владельцем замка станет мой отец (теперь, похоже, его владельцем скоро стану я сам). Однако проведя в Англии

несколько лет, я привык к ней, привык к тамошней жизни, потом встретил Мери, полюбил ее, женился и начисто позабыл о своих обязательствах перед нашим родом.

Пренебрегать ими и далее я просто не имел права. Браки между родственниками и так тяжело сказались на нашей династии. Я уже упоминал о детях, родившихся, подобно Жужанне, увечными, а также о слабоумии и умопомешательстве, преследовавших наш род. И все это длилось уже несколько столетий подряд. Только отцу и его брату удалось избежать семейных напастей и продолжить род Цепешей. Отец не пожелал выбрать себе невесту из привычного круга румынской аристократии и женился на сильной и здоровой девушке – наполовину венгерке, наполовину русской. К счастью, ни он, ни дядя не препятствовали моему браку с Мери и, узнав о нашей помолвке, прислали свои благословения. Но надо смотреть правде в глаза. Дядя уже очень стар, и, когда он умрет, я останусь последним в мужской линии рода Цепешей (или Дракул, как упорно называют нас эти темные суеверные крестьяне). Я должен растить и воспитывать своих детей не в Англии, а здесь, чтобы привить им любовь к родной земле (ведь не кто иной, как отец научил меня любить эту землю, а его в свое время научил мой дед). Не сомневаюсь, что и остальные предки столь же горячо любили эти прекрасные места, которыми род Цепешей владеет вот уже почти четыреста лет. Я не могу все бросить и уехать отсюда. Сама мысль о продаже замка и земельных владений неведомо кому представляется мне чудовищной.

Однако наряду с гордостью за свой род меня снедало чувство вины перед Мери. Ведь я уговорил ее оставить Англию и переехать жить в здешнюю глушь. Правда, по словам Мери, она всегда знала, что рано или поздно ей придется это сделать, и потому морально полностью подготовилась к такому шагу. Понимаю, она не хочет меня огорчать. И в то же время я не смогу быть по-настоящему счастлив на родине, если для Мери жизнь здесь окажется в тягость.

Я встал и в ночном сумраке часовни произнес слова клятвы отцу. Такие клятвы обычно приносят перед смертным одром (как тяжело сознавать, что я опоздал всего на несколько часов!), но у меня не было иного выбора. Я поклялся отцу, что выполню его завещание, останусь и буду заботиться о дяде. Наш ребенок родится здесь, на родной земле, и мы с Мери сделаем все, чтобы он знал не только о своем деде, но и обо всем роде Цепешей.

Я сидел на простой деревянной скамье, предаваясь скорбным размышлениям об отце. Вот так же здесь сидели многие поколения моих предков, совершая ночное бдение у гроба дорогого им покойника. Должно быть, прошло несколько часов. Я задремал, и беспокойный сон вновь вернул меня в детство. Я опять бежал в лес, догоняя Стефана.

Не знаю, что бы я увидел на этот раз. Из сна меня вырвало жуткое, пронзительное завывание, раздавшееся совсем неподалеку. Я едва успел открыть глаза, как дверь часовни со скрипом распахнулась и на пороге появился мой дядя Влад (никак не привыкну называть его правильно – двоюродным дедом), которого я не видел все эти годы.

(Мое дорогое дитя! Когда ты достаточно подрастешь, научишься читать и ознакомишься с папиными записками, твой троюродный дед Влад уже покинет мир живых. Он был человеком весьма эксцентричным и вел уединенную, почти затворническую жизнь. Возможно, его странности объяснялись легкой формой помешательства, преследующего род Цепешей. Влад отличался агорафобией – боязнью открытых пространств. Он редко покидал замок и сторонился контактов с другими людьми. Исключение составлял лишь мой отец, то есть твой родной дед. Поэтому отец взял на себя все хлопоты по управлению хозяйством и общению со слугами. Должен отметить, что Влад был необычайно щедр по отношению к моему отцу и к нам с твоей тетей Жужанной. В праздники и дни рождения он навещал наш дом и вел себя как добрый и заботливый дядюшка, осыпая нас подарками. Если бы не деньги Влада, твой дед и я вряд ли сумели бы получить образование. Однажды, когда тетя Жужанна серьезно заболела, Влад пригласил из Вены лучших врачей и спас ей жизнь.

К сожалению, странности и чудачества Влада служили пищей для нелепых слухов и домыслов среди его слуг, а в особенности – среди местных невежественных и суеверных кре-

стьян. Отсюда – настороженное и подозрительное отношение ко всей нашей семье. Думаю, став постарше, ты прочувствуешь это и на себе.)

Увидев друг друга, мы поначалу оба опешили. Влад не сразу шагнул внутрь часовни, а задержался на пороге: высокий, гордый, по царски величественный, с благородным лицом, на котором выделялся ястребиный нос. Дядя надел траурные одежды. Должен признаться, за годы, проведенные в Англии, необычная суровость его облика успела изгладиться из моей памяти. Поначалу я даже оробел (помнится, в детстве я побаивался Влада). Дядина кожа отличалась призрачной бледностью (следствие затворнической жизни), и из-за этой белизны терялась всякая граница между кожей и гривой седых волос. Добавлю, что черный плащ лишь подчеркивал бледность дядиного лица. Длинные обвислые усы и густые кустистые брови Влада тоже были седыми. Дядя вполне мог бы сойти за восковую статую, если бы не глаза. Глубокие, изумрудно-зеленые, они сразу же приковывали к себе внимание. Мне они казались глазами древнего мудреца, и в то же время это были глаза вполне современного человека, отличавшегося незаурядной сообразительностью.

На мгновение я испытал странную двойственность: взгляд дядиных зеленых глаз притягивал и в то же время отталкивал. Затем все изменилось, как по волшебству: дядя меня узнал. Его глаза потеплели и наполнились непередаваемой добротой, а сам он из призрака превратился в старого любящего Влада.

У меня перехватило дыхание. Я понял, что моя отчаянная, почти детская мольба исполнилась. Я мечтал еще раз заглянуть в отцовские глаза. Теперь, глядя в глаза дяди, я одновременно глядел и в глаза своего отца. За эти годы я забыл о потрясающем сходстве между дядей и отцом. Влад заговорил, и я услышал отцовский голос.

– Приветствую тебя, Небожитель, – произнес дядя. – Кажется, так переводится твое имя с греческого? До чего же я рад видеть тебя, и как мне больно, что наша встреча совпала с семейным горем.

– Здравствуйте, дорогой дядя, – ответил я, поднимаясь со скамьи.

Мы шагнули навстречу друг другу, обменялись рукопожатием, а затем дядя поцеловал меня в обе щеки (после жизни в Лондоне этот старинный обычай тоже показался мне довольно странным). По моим подсчетам, дяде было за восемьдесят, никак не меньше, ибо я с детства помню его седые волосы. Да и походка у него была стариковская. Но пожатие его ледяной руки оказалось неожиданно крепким, невзирая на преклонный возраст. Возможно, память меня все-таки подвела – иначе каким чудом объяснишь, что дядя за эти годы совсем не постарел? Некоторое время он не отпускал мою руку. Мы смотрели друг другу в глаза, и мне показалось, что Влад вобрал в себя мудрость всех поколений рода Цепешей.

– Прости, что потревожил тебя, – нарушил молчание дядя. – Не ожидал застать тебя здесь.

– Ваше присутствие мне ничуть не мешает, – возразил я.

– А как перенесла дорогу твоя прекрасная юная жена?

– Довольно мужественно, хотя и очень устала. Думаю, сейчас она спит.

– Вот и замечательно, – с необычайной серьезностью сказал Влад. – Мы должны всячески оберегать ее драгоценное здоровье и здоровье ребенка.

Влад обвел глазами пустую часовню.

– А где плакальщицы? Я нанял двоих крестьянок петь бочете.

– Ушли. Я их отпустил. Это моя вина. Надеюсь, вы не станете гневаться. Мне очень хотелось побыть с отцом наедине.

– Разумеется, – участливо согласился Влад и махнул рукой, показывая, что не сердится на мое своеволие. – Однако как же ты изменился, Аркадий. Ты стал мужчиной. Сейчас ты больше, чем прежде, похож на своего отца.

Дядя шагнул назад, чтобы лучше меня разглядеть, затем негромко и печально вздохнул.

– Да. Ты очень похож на него. И лицом, и волосами.

Эти слова он произнес вполне одобрительно, но потом его тон изменился (впрочем, думаю, мне просто показалось).

– Вот только глаза у тебя... с примесью материнских.

Какое-то время Влад продолжал меня разглядывать, затем повернулся к гробу. Дядино лицо помрачнело. Он снова вздохнул.

– А вот наш Петру...

– Да, дядя, – сказал я и отошел к скамье, чтобы не мешать ему провести несколько скорбных минут над отцовским гробом.

Дядя закрыл лицо рукой. В его словах было столько неподдельного горя, что у меня вновь хлынули слезы.

– Есть ли что-нибудь ужаснее смерти? Сознать, что он потерян для нас навсегда. Что может быть страшнее?

Дядя склонился над гробом, взял отцовскую руку в свою и тихо воскликнул:

– Ах, Петру! Неужели мне суждено провожать в последний путь и тебя?

Влад поднес пальцы покойного к губам и, целуя их, продолжал:

– Иногда я чувствую, что слишком зажился на свете. Сколько дорогих мне людей умерло за это время. Скольких мне пришлось целовать в их холодные лбы.

Дядя осторожно, с безграничной нежностью опустил руку отца. Но горечь утраты была сильнее его воли. Как и я, Влад припал щекой к отцовской груди и прошептал:

– Петру! Петру! Мой единственный настоящий друг...

Дядя заплакал. Я закрыл глаза и отвернулся. Мне не хотелось видеть его страдания, ибо они усугубляли мои собственные. В этот момент дядя показался мне таким слабым и дряхлым, что невольно подумалось: скоро, очень скоро нас ждет новая утрата.

Успокоившись, Влад встал и, глядя на моего отца, заговорил. Дядин голос был звонким и торжественным, будто ему хотелось, чтобы его услышал не только мой отец, но и все предки:

– Клянусь тебе именем нашего рода – рода Цепешей: верность твоя будет щедро вознаграждена.

Потом дядя сел рядом со мною, и наше бдение продолжалось в тишине. Вскоре за стенами часовни вновь послышался волчий вой. Волки были так близко, что я не удержался и встревоженно посмотрел в темное окно. Заметив мое состояние, дядя слегка улыбнулся и успокоил меня:

– Не бойся, Аркадий. Они не причинят тебе зла.

Но этот вой глубоко проник в мое сознание. Вероятно, из-за него я вновь увидел все тот же кошмарный сон. Я опять бежал по лесу, догоняя Стефана и Пастуха. Я бежал и бежал, а лес не кончался. Бег этот продолжался несколько часов; я звал Стефана, но ответом мне было лишь волчье рычание. Наконец я очутился на краю знакомой поляны, где с разодранным горлом лежал мой брат. Пастух поднял на меня окровавленную морду и оскалил зубы...

Неожиданно между нами оказался мой отец. словно не видя случившегося, он встал к Пастуху спиной. Схватив меня за запястье, он повернул мою руку тыльной стороной наружу. Я не сопротивился, ведь это был мой любимый отец.

– Верь мне, – сказал он. – С тобой не случится ничего плохого...

В его занесенной руке что-то блеснуло. Меня обожгло болью, и я закричал.

Почувствовав у себя на плече чью-то холодную руку, я проснулся и с ужасом обнаружил, что смотрю в белые волчьи глаза.

– Аркадий, – сурово произнес дядя. – Просыпайся. Как ты мог заснуть?

Я заморгал, и волчьи глаза превратились в отцовские, вернее, в изумрудно-зеленые глаза дяди, ярко сиявшие на его бледном лице. За окошком начинало светать.

– Мне пора, – сказал дядя.

Я встал и проводил его до двери, поблагодарив за время, проведенное в скорбном бдении. Он недовольно махнул рукой.

– Это мой долг.

Дядя умолк. Впервые за все это время я ощутил в его поведении какую-то нерешительность.

– Скажи, отец упоминал о том, что тебе, возможно, придется занять его место?

– Да. А как же может быть иначе? Я и сам намеревался вернуться и взять управление хозяйством в свои руки. Сочту за честь работать для вас.

– Прекрасно. Но не будем говорить о делах сейчас, когда наши сердца переполнены горем.

Дядя положил мне руки на плечи – традиционный жест прощания. Мы расстались. Я решил не возвращаться в часовню, а направился к дому. Дядя скрылся в предрассветной мгле, двинувшись в противоположную сторону, к замку.

Трава была мокрой от росы. Где-то неподалеку вновь завывали волки. Я прибавил шаг. Слева мелькнуло что-то темное. Я застыл от ужаса. Возможно, то был одинокий волк, а может, и медведь.

Я ошибся: то был мой брат. Окровавленная фигурка Стефана тускло поблескивала в слабеющем лунном свете.

Брат стоял возле дальнего угла восточного крыла дома, выходившего в сторону леса (забыл упомянуть, что между нашим домом и замком стоял высокой стеной густой лес). Подняв ручонку, Стефан махнул в направлении вздымавшихся к небу сосен.

Наши глаза встретились. Ничто в его взгляде не напоминало того беззаботного сорванца, каким он был при жизни. Брат глядел на меня серьезно и с упреком. Он унаследовал не только цвет материнских глаз, но и их форму: карие глаза Стефана были миндалевидными. Голова брата показалась мне непропорционально большой для его щуплого тельца. Под подбородком лоскутами висела разорванная кожа, обнажая белые кости. Указательным пальцем Стефан снова и снова тыкал в сторону стоящих в отдалении сосен и нетерпеливо топал ногой. Только сейчас, через двадцать лет, я вспомнил, что у брата была такая привычка – топтать ногой от нетерпения.

Я испуганно вскрикнул, опустился на колени и закрыл лицо руками. Так я простоял несколько минут и лишь потом отважился слегка разжать пальцы и взглянуть на то место, где мне примерещился мой давно усопший брат.

Стефан исчез. Я поднялся на ноги, счистил с брюк налипшие на них влажные стебельки и поспешил в дом.

* * *

Сейчас я дома, пишу эти строки, но неприятное чувство не покидает меня. Мне везде чудится Стефан: и возле кровати жены, и в коридоре. Конечно, мои видения – не более чем результат постигшего нас горя, и все же мне никак не отделаться от заполонивших мозг мыслей о морях. Почему эти нелепые легенды не идут у меня из головы?

Мой бедный маленький Стефан, что ты с таким упорством призываешь меня искать? Какие сокровища, спрятанные в лесной чаще?

Я писал с лихорадочной скоростью, не замечая времени. А оно движется к полудню, если судить по солнцу, которое поднялось уже высоко в небо. Бедняжка Мери так утомилась, что спит беспробудно. Пойду и я прилягу. Очень надеюсь, что мне не приснятся волки.

Глава 2

ДНЕВНИК ЖУЖАННЫ ЦЕПЕШ

6 апреля

Пишу глубокой ночью; вполне вероятно, что сейчас уже седьмое апреля. До чего мне хочется провалиться в сон. Я так устала. Накануне смерти отца я не сомкнула глаз, проплакав всю ночь. Следующая ночь была еще более беспокойной, мне едва удалось вздремнуть. И теперь, когда я начала проваливаться в долгожданный сон, Брут громко залаял. Пес не отходит от окна. Хорошо хоть замолчал, но если он снова станет лаять, мне придется запереть его на кухне, иначе этот бдительный страж поднимет весь дом.

Когда я в первый раз открыла глаза и взглянула в окно, мне показалось, будто я вижу в стекле отражение дядино лица. Разумеется, я ничего не видела, а просто перенесла в явь остатки сновидения. Брут, не умолкая, заливался лаем. Мне пришлось встать и открыть ставни. Внизу мелькнул серый, быстро удалявшийся силуэт. Волк.

Я подумала, что от страха мне теперь будет не заснуть, и решила написать о приезде Каши и Мери. Но усталость оказалась сильнее моих страхов. Ложусь. Приятных тебе снов, Брут!

* * *

ДНЕВНИК МЕРИ УИНДЕМ-ЦЕПЕШ

7 апреля

Трансильвания, в которой я оказалась, одновременно поражает своей красотой, дикостью и своими странностями. Особенно странными кажутся мне здешние люди, и в первую очередь – родственники моего мужа. Их я рискну назвать самыми странными.

Мне совестно писать такие слова. Но я должна каким-то образом снять с себя груз тяжелых мыслей, непрестанно одолевающих меня. Я не решаюсь заговорить об этом с моим дорогим мужем и уж вовсе не намерена делиться подобными мыслями с его сестрой. Однако, едва начав писать, я почувствовала искушение объяснить свои тягостные раздумья особенностями своего нынешнего положения. Наверное, любая женщина, готовящаяся впервые стать матерью, испытывает волнения, схожие с моими...

Что за чепуха? Я никогда не была изнеженной и не страдала нервными расстройствами. Аркадий гордится моей уравновешенностью, и это не преувеличение. Я принадлежу к породе хладнокровных людей. И мужа своего я люблю за его теплоту, страстность, за откровенные признания, которым не так-то легко сорваться с моих губ. Часто я просто завидую его душевным качествам.

Но сестра Аркадия и его дядя (буду называть этого человека так, хотя на самом деле он приходится мужу двоюродным дедом) отличаются эмоциональностью, превосходящей все разумные пределы.

Повторяю, я не отваживаюсь поделиться своими наблюдениями с Аркадием, поскольку он и так тяжело переживает смерть отца. Я не имею права усугублять его горе, ибо знаю, что это такое – терять близких людей. Сама я осиротела в тринадцатилетнем возрасте. Правда, я не осталась совсем одна на белом свете. У меня четверо сестер и трое братьев, но все мы росли порознь, живя у дальних родственников. Поэтому могу с полным основанием сказать: когда мои родители безвременно и трагически погибли во время пожара, я почувствовала себя круглой сиротой, у которой не осталось близких. С тех пор я мечтала вновь оказаться в большой и дружной семье. Слезы застилали мне глаза, когда я читала замечательные, душевные письма, которые писали Аркадию в Лондон его отец, сестра и дядя. Эти люди звали меня в свою семью.

Я была искренне польщена – мне предлагали стать частью древнего рода, насчитывающего не одно столетие. Я восприняла их приглашение как настоящий подарок судьбы, сознавая, что моим детям будет чем гордиться.

Когда же я наконец очутилась в Трансильвании, меня поистине очаровало роскошное великолепие здешней природы и внушительные размеры семейного поместья, которое его владельцы называют просто "домом". Дух захватывает, и я до сих пор с трудом верю, что отныне являюсь частью всего этого, что меня теперь считают хозяйкой громадного здания, построенного четыре века назад. Стоит мне поднять глаза от бумаги, как я попадаю в волшебную сказку, в одночасье ставшую явью. Горный склон весь в цвету вишневых и сливовых садов! Их белорозовые кружева простираются до самого замка, что высится на фоне Карпатских гор. Из противоположного окна открывается совсем иной вид: пастухи в ярких национальных одеждах и огромные стада овец, коз и коров, которые бродят по широким лугам, упирающимся в кромку густого леса. Думаю, за минувшие века эта картина почти не изменилась. Аркадий говорил, что здесь есть и виноградники. Когда мы ехали из Бистрица мимо деревни (она находится в долине), он махнул рукой куда-то в темноту и сказал, что несколько миль окрестных земель заняты пшеничными полями. К осени вся долина будет сиять золотом спелых колосьев. Владения Цепешей кормят всю деревню в буквальном смысле этого слова. Могу без преувеличения сказать, что здешние крестьяне одеты гораздо лучше да и выглядят более сытыми, нежели те, кого мне довелось видеть по пути сюда. Я испытываю немалое волнение и всеми силами стремлюсь быть достойной своей новой семьи. Мне стыдно писать эти строки, как будто я затеваю нечто неблагоприятное за спиной людей, принявших меня с распростертыми объятиями. В самом деле, ведь они от меня ничего не требуют, они искренне обрадовались моему приезду. Когда я увидела Жужанну, у меня сжалось сердце. Как она добра и в то же время как одинока и несчастна. Схожие увечья я замечала и у местных крестьян. Причина этого – родственные браки. Как объяснял мне Аркадий, отдаленность здешних мест (зимой сюда вообще не добраться) вынуждает крестьян жениться и выходить замуж за достаточно близких родственников. Румынская аристократия, к которой принадлежит и род Цепешей, предпочитает браки внутри своего круга, что также способствует различным наследственным болезням и вырождению. Конечно, наш приезд не заменит Жужанне скончавшегося отца, но я рада, что ей не пришлось остаться совсем одной в этом громадном доме. Уверена, ничто не принесет ей большего счастья, нежели появление на свет целой оравы племянников и племянниц (как и для меня нет большего счастья, чем стать матерью нашего первенца). Жужанна, возраст которой приближается к тридцати, сама похожа на ребенка. Это свойственно многим ее соотечественникам, лишенным контактов с внешним миром. Говоря о схожести с ребенком, я имею в виду ее детскую наивность. Но при этом глупенькой Жужанну никак не назовешь. Наоборот, она отличается острым умом и весьма неплохо образованна для человека, не покидавшего здешней глуши. Аркадий рассказывал мне, что до его отъезда в Англию они с Жужанной говорили между собой по-английски просто так, "для удовольствия". Как и брат, она унаследовала от матери-поэтессы прекрасное чувство языка.

Но что касается их дяди Влада...

Даже не знаю, как охарактеризовать его. Этот человек одновременно пугает, отталкивает и завораживает меня. Мне почему-то не хочется, чтобы мои дети общались с ним. Возможно, мое желание исполнится, поскольку Влад уже сейчас напоминает живого покойника: он необычайно бледен и слаб. Аркадий говорит, что ему где-то за восемьдесят.

Когда мы выезжали из Бистрица, меня удивил страх в глазах старого кучера. Я отнесла это за счет его возраста. Но такой же страх я вижу здесь в глазах моей юной горничной Дуни. И она, и другие слуги в нашем присутствии съеживаются и стараются не встречаться с нами взглядом. Поначалу я была ошеломлена, однако, увидев старого графа, поняла причину. Влад распространяет вокруг себя какие-то тревожные, будоражащие эманации, я бы даже назвала

их пугающими. Я не в состоянии дать им точного названия, ибо это мои инстинктивные ощущения, а не доводы разума. Брут – собака Жужанны – при появлении графа норовит куда-нибудь спрятаться или вообще убегает.

Думаю, мое восприятие дяди Влада огорчило бы и Аркадия, и Жужанну. С какой любовью и преданностью они глядят на старика. Они говорят о графе с благоговением, какое встретишь разве что у набожных людей при упоминании имени Господа. Все странности в его поведении отменяются с ходу, поскольку брат с сестрой считают их лишь "небольшими чудачествами". Влад даже не присутствовал на похоронах, но ни Аркадий, ни Жужанна и не подумали обидеться. Такое ощущение, будто старик их загипнотизировал.

Между тем вечером Влад явился на поману⁷ – традиционную трапезу в память покойного, когда к столу подают его любимые яства. Так я узнала о гастрономических пристрастиях отца Аркадия. Нам подали мамалыгу – блюдо из круто заваренной кукурузной крупы, довольно острое и украшенное сверху яйцами-пашот. Затем последовало местное кушанье – нечто вроде фаршированных капустных листьев, а также курица в красном соусе с перцем. На этой печальной трапезе нас было только трое: Жужанна, Аркадий и я. Мы сидели в громадной, похожей на пещеру столовой, среди немыслимой роскоши. Стол освещался массивным серебряным канделябром, где горело не менее сотни свечей. Столовые приборы были из чистого золота, а бокалы – из искусно обработанного хрусталя, тончайшие стенки которых отражали тысячи крошечных огоньков. За тяжелым дубовым столом легко разместилось бы тридцать человек. В другом конце зала помещался второй стол таких же размеров, но пониже. Полагаю, он предназначен для детей... Только трое. Четверо, считая дядю (он появился позже). Должно быть, эти грустные мысли посетили не только меня, ибо Жужанна повернулась к Аркадию и, силясь улыбнуться, сказала:

– А помнишь, Каша, как в детстве к нам однажды приехал из Вены дядя Раду?

Мой муж кивнул, потом ответил глуховатым от горя голосом:

– Помню. Он тогда привез с собой шестерых дочерей.

– Да, всех шестерых, – повторила Жужанна. На ее губах мелькнула улыбка, большие темные глаза вспыхнули, и в них блеснули готовые пролиться слезы. Насколько могу судить, во время поманы горевать не принято. Наоборот, собравшиеся вспоминают все хорошее, что было связано с покойным. Однако Жужанна находилась на грани нервного срыва, когда слезы несравненно ближе, нежели смех.

– Все девочки были такими веселыми. Помнишь, мы с тобой тогда решили, что в больших городах дети вырастают быстрее? Даже наши ровесницы казались нам старше. Мы сидели вон там. – Жужанна махнула рукой в сторону детского стола. – А потом дочери дяди Раду задумали спеть для взрослых. Помнишь, что они пели?

Приятным мелодичным голосом она пропела несколько строк из, как мне показалось, трансильванской колыбельной.

– А папа вместе с другими гостями подхватил припев.

Жужанна пропела еще несколько слов. По ее щеке скатилась единственная слезинка. Неожиданно улыбка, готовая погаснуть, стала ярче и шире. С той же душевной щедростью, какую я люблю и ценю в ее брате, Жужанна повернулась ко мне и сказала:

– Как я счастлива, что вы здесь! Мне грустно было сознавать, что наша семья рассеяна по свету. Но теперь этот дом очень скоро наполнится детским смехом!

Тронутая ее порывом, я сжала хрупкую руку Жужанны. Мне захотелось сказать ей что-нибудь теплое и душевное, но прежде, чем я успела раскрыть рот, Аркадий и Жужанна, будто по команде, повернулись в сторону дверей. Я сразу же догадалась: пришел старый граф, и тоже

⁷ Pomana (рум.) – поминки.

повернулась к дверям. Мне не терпелось увидеть благодетеля, столь щедрого к своим близким, в число которых попала теперь и я.

Но увидев его, я едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. Выглядел Влад довольно отталкивающе. Он остановился на пороге: высокий, надменный, граф до кончиков пальцев. Но меня поразило не это, а его изнуренный... какой-то полуголодный вид. Он был так бледен, что создавалось впечатление, будто в его жилах не осталось ни капли крови. Бледная, изможденная Жужанна рядом с ним сошла бы за цветущую розу. Первое, что пришло мне в голову, – возможно, граф страдает анемией или какой-нибудь другой тяжелой болезнью. Цвет его лица ничем не отличался от цвета его совершенно седых волос. В колеблющемся пламени свечей его кожа как-то странно мерцала. Мне подумалось: если задуть свечи, лицо дяди начнет светиться, словно огромный светлячок. Однако при всей его бледности губы Влада не утратили удивительной яркости. Они у него были темно-красными. Увидев нас, дядя улыбнулся, обнажив острые желтоватые зубы.

Меня немало удивило, что ни Аркадий, ни Жужанна как будто не замечают странной внешности дяди и пугающего магнетизма его глаз, которые с холодной пристальностью, свойственной только хищникам, на миг остановились на мне. Я вздрогнула, у меня похолодела спина, словно из дверей потянуло сквозняком. В мозгу завертелась невесть откуда взявшаяся мысль: "Он голоден, невероятно голоден".

Влад застыл на пороге и стоял молча, пока Жужанна не закричала:

– Дядя! Дядя пришел!

По ее возбужденному, радостному тону можно было подумать, что случилось чудо и Петру вернулся с того света. Жужанна силилась отодвинуть тяжелый стул. Ни дать ни взять – маленькая девочка, готовая опрометью помчаться навстречу любимому родственнику.

– Что же вы стоите, дядя? Входите, мы вас ждем!

После этих слов он переступил порог и вошел в столовую. Аркадий и Жужанна, поднявшись с мест, поцеловали его в обе щеки. Подойдя к Жужанне, дядя наклонился к ней, обнял ее за талию и...

Да простит мне Господь злые мысли, если клеветчу на невиновного, но я не из тех, кто привык предаваться фантазиям или верить сплетням. Я хорошо выпалась и отдохнула, а потому не считаю увиденное галлюцинацией, вызванной утомлением. Запрокинув голову, Жужанна смотрела на дядю. В ее глазах читалось искреннее обожание. Ответный же взгляд Влада отнюдь не подходил заботливому и щедрому дядюшке. На Жужанну смотрел явно голодный хищник. Я уловила момент, когда Влад едва сдерживался, чтобы не наброситься на свою внучатую племянницу. Наверное, он почувствовал на себе мой ошеломленный взгляд. У Влада скривились губы.

Его темно-зеленые глаза повергли меня в замешательство. Я вдруг утратила контроль над своим разумом, ненадолго, правда, всего на мгновение. Как пламя свечи: качнулось от ветра и вновь выпрямилось. На прежнюю мысль наслоилась другая, однако мне она показалась не моей, а чужой: "Ты невероятно заблуждаешься. Он просто любит Жужанну, как родную дочь..."

Глаза Влада действовали на меня подобно морскому прибору: они то непонятным образом притягивали, то таким же непонятным образом отталкивали. У меня сильнее забилося сердце (не могу сказать, от волнения или от ужаса). Ребенок во мне зашевелился. Инстинктивно я положила руку на свой весьма внушительный живот. В это время граф подошел ко мне, взял мою другую руку и поцеловал.

Его прикосновение было ледяным. Я крепилась, чтобы не вздрогнуть, но не смогла, потому что внезапно Влад чуть приоткрыл губы и его язык скользнул по тыльной стороне моей кисти. Он облизывал мою кожу, будто зверь! Потом граф выпрямился, и в его глазах (наверное, такие глаза бывают у заклинателей змей) вновь мелькнул голод.

"Ты заблуждаешься..."

– Дорогая Мери.

Он говорил по-английски с диким акцентом, но сам голос был таким певучим, таким музыкальным и искренним, что меня захлестнул неподдельный стыд. Как я могла выдумывать подобные нелепицы о добром и щедром старике? Он взглянул на мой живот... Опять все тот же хищный, голодный взгляд...

Или я настолько запуталась в окружающих меня странностях, что готова приписать родственным чувствам старика какой-то злой умысел? Если Жужанна искренне обрадовалась моему приезду, почему бы не обрадоваться и старому Владу?

– Дорогая Мери, как же я рад увидеть тебя.

Он по-прежнему не отпускал мои пальцы, зажав их между своих холодных ладоней. Мне захотелось вырвать руку и вытереть ее о подол юбки, но я не позволила себе быть бестактной. Я стояла не шевелясь, вновь чувствуя на себе пристальный взгляд дядиных глаз.

– Аркадий был прав, описывая твою красоту. Глаза как сапфиры. Волосы, подобные золоту. Да ты настоящее сокровище!

Покраснев, я сбивчиво поблагодарила его за комплимент. В словах Влада звучало неприкрытое мужское кокетство, но Аркадий и Жужанна лишь одобрительно улыбались, по-видимому не усмотрев в них ничего сластолюбивого. Не стану делать поспешных выводов: возможно, здешние правила хорошего тона значительно отличаются от наших.

Исчерпав весь запас англоязычного красноречия (скорее всего, он тщательно заучил свой поэтический комплимент и неоднократно его репетировал), дядя перешел на румынский язык. Аркадий переводил мне его слова.

– Какое же счастье увидеть тебя здесь и поблагодарить за свежую струю радости, привнесенную тобой в нашу семью. Дорогая, как ты себя чувствуешь после длительного путешествия?

– Вполне хорошо, господин граф, – ответила я.

Я вслушивалась в незнакомые шипящие и свистящие звуки румынского языка. В свое время я немного изучала французский и латынь, так что могла угадать значение некоторых слов. Ощущая внезапное головокружение, я опустилась на стул.

– Садись, садись, дорогая Мери, – заботливо произнес Влад. – Мы должны зорко следить за твоим здоровьем. Ведь скоро ты станешь матерью наследника рода Цепешей.

Остаток вечера Влад говорил преимущественно по-румынски. Аркадий переводил. Иногда мы обменивались с дядей несколькими фразами на плохом немецком. Ради удобства повествования я передаю содержание наших разговоров так, будто они велись исключительно по-английски.

Я поблагодарила графа за его добрые письма. Мы еще немного поупражнялись в вежливости, после чего заняли свои места за столом. Брут, который до сих пор лежал, свернувшись, у ног Жужанны, при появлении Влада сердито зарычал, потом выскочил вон из зала и больше не возвращался.

Должна отметить, что Влад не только умеет нагонять страх, но и удивительно располагает к себе. Он произнес краткую речь о своем умершем племяннике. Слова были проникновенными и очень сердечными – мы с трудом сдерживали слезы. Затем слуги подали угощение. Во время трапезы все члены семьи рассказывали различные истории из жизни Петру, всякий раз заканчивавшиеся тостом. Свой бокал я лишь подносила к губам: выпивка никогда не доставляла мне удовольствия, не говоря уже о моем нынешнем положении. Я заметила, что подобным же образом поступает и Влад. Граф только делал вид, что пьет. Более того, он ничего не ел, хотя и ковырял вилкой у себя в тарелке. В конце трапезы вино в бокале графа и его еда остались полностью нетронутыми. И снова ни слуги, ни Аркадий с Жужанной как будто не заметили этого. Может, они так привыкли к дядиным чудачествам, что те давно уже не вызывали у них никакого удивления? Когда позднее я осторожно поделилась своими наблюдениями с Аркадием, мой муж решил, что я шучу. Он собственными глазами видел, как дядя ел и пил!

Что-то здесь не так. Повторяю, я не склонна к фантазиям. Я тоже своими глазами видела, что Влад не сделал ни глотка и не проглотил ни кусочка. Я не стала продолжать разговор об этом. Не хватает еще, чтобы Аркадий посчитал меня душевнобольной или связал мои "выдумки" с беременностью.

Неужели все вокруг посходили с ума и только я одна сохраняю здравый рассудок? Не желаю допускать подобной мысли, поскольку когда некто считает себя единственно нормальным – это первый признак сумасшествия.

Во время трапезы Влад извлек из кармана письмо, подал Аркадию и попросил перевести. Дяде явно не терпелось узнать содержание письма. Оно было написано одним англичанином, который еще до кончины Петру намеревался осмотреть замок и просил разрешения приехать. Мне подумалось, что сейчас не самое подходящее время для таких визитов, однако Аркадий охотно перевел дяде письмо и пообещал помочь написать ответ.

Повернувшись ко мне, Влад улыбнулся и сказал:

– Вы оба с Аркадием должны помочь мне усовершенствовать мой английский!

Сочтя это очередным комплиментом, я ответила:

– А вы, господин граф, должны мне помочь в изучении румынского.

Ответ Влада меня удивил. Он сказал, что в этом нет необходимости. Теперь, когда Петру нет в живых, он намерен отправиться в Англию. Племянник ощущал свою привязанность к этой земле, но сам он не собирается здесь оставаться. Трансильвания – темный и отсталый край. Деревня – и та пустеет, крестьяне покидают родные места и уходят в города. Влад заявил, что более не желает довольствоваться рассказами случайных гостей замка.

– Когда живешь здесь, трудно поверить, насколько быстро меняется мир по другую сторону густых лесов. И лучше не отставать от перемен, чем соловеть в глуши, – с воодушевлением произнес граф. – Только те, кто приспосабливается к требованиям времени, имеют шанс выжить!

Затем Влад рассказал о своих планах на ближайшее будущее. Поездка состоится не раньше чем через год – необходимо, чтобы родившийся ребенок достаточно окреп для дальнего путешествия. За это время дядя рассчитывал научиться бегло говорить по-английски.

Выходит, прогрессивные устремления моего мужа – наследственная черта рода Цепешей?

– Я сочту за честь быть вашим преподавателем, а затем и гидом, – сказала я графу. – Но поскольку в дальнейшем мы вернемся в Трансильванию, мне не повредит знание румынского языка.

– Я говорю не о временном пребывании в Англии, – возразил Влад. – Я намерен перебраться туда. Возможно, насовсем. Хотя, конечно же, я буду наезжать в родовое гнездо, ибо, уверен, стану тосковать по земле предков.

Не скрою, я только обрадовалась перспективе вернуться в Англию и мысленно стала рисовать себе картины лондонской жизни. Неожиданно Жужанна вскочила со стула. Она была в ярости.

– Я возражаю!

Ее речь была странной смесью румынского и английского языков, словно Жужанна не могла до конца решить, к кому обращены ее слова – к Владу или ко мне. (Словесный поток был необычайно бурным, поэтому здесь я передаю лишь общее содержание.)

– Вы не можете уехать! Вы же знаете, дядя: я слишком слаба, чтобы ехать с вами. Если вы уедете, я непременно умру!

Влад быстро обернулся к ней. Глаза его, отражавшие свет свечей, вспыхнули красным, как у зверя. Его лицо исказила гримаса ярости. Я вновь увидела перед собой отвратительное чудовище. Но это длилось не более нескольких секунд. Влад мгновенно взял себя в руки и стал что-то говорить. Его голос звучал негромко и успокаивающе. Потом я спросила Аркадия,

о чем говорил дядя. Оказалось, Влад пообещал Жужанне, что дождется, пока ее состояние улучшится. Более того, он пригласит лучшего врача, чтобы поскорее поправить здоровье его дорогой Жужи.

Жужанна разрыдалась.

– Как вы можете думать об отъезде? – всхлипывала она. – Здесь могила Стефана. Здесь могила отца. Здесь – вся память нашего рода.

Влад продолжал ее увещевать. Наконец Жужанна успокоилась, вытерла слезы и вернулась на свое место. Трапеза продолжалась вполне мирно и закончилась без инцидентов. Но мне было не по себе.

Я видела, как Влад смотрит на Жужанну, и видела ее ответные взгляды. Жужанна безнадежно влюблена в графа, и я боюсь, что он воспользуется этим обстоятельством. Такого поворота событий мой наивный муж и представить себе не может, а я не знаю, как ему об этом сказать.

* * *

ДНЕВНИК АРКАДИЯ ЦЕПЕША

7 апреля

Будь прокляты эти крестьяне! Ненавижу их! Пусть провалятся в ад вместе со своей непроходимой глупостью и предрассудками!

Я едва в состоянии писать о случившемся – настолько это чудовищно, оскорбительно и нелепо. Но я должен написать, кто-то обязан свидетельствовать о злодеянии, порожденном невежеством.

Отца мы похоронили вчера в семейном склепе, стоящем на холме, что находится между домом и замком. В том самом склепе, где покоятся Стефан и моя мать. Я отговаривал Мери от участия в похоронах, поскольку считал, что холодный ветреный день мог не самым лучшим образом сказаться на ее здоровье. Однако моя жена проявила свою всегдашнюю твердость, заявив, что для нее это единственная возможность отдать дань уважения свекру, которого она никогда не видела и знала лишь по письмам. Склеп произвел на нее сильное впечатление, и Мери задержалась, читая имена моих предков, погребенных здесь. Я находился в тягостном и мрачном состоянии, но какая-то часть моего сознания ощущала гордость при виде этого величественного склепа. Первые захоронения здесь датированы началом семнадцатого века, но и сейчас можно прочесть имя каждого усопшего и даты его жизни. Все они аккуратно выгравированы на белом мраморе, и потому ничье имя не забудется и не сгинет во тьме веков. (Вскоре я непременно свожу Мери в часовню и покажу ей захоронения пятнадцатого века.)

Церемония погребения началась в полдень и проходила весьма скромно. Гроб отца мы поместили в небольшую нишу, рядом с которой в таких же нишах покоились вечным сном Стефан и мать (она умерла, дав мне жизнь). Выполняя волю покойного, мы не стали приглашать священника и обошлись без чтения отрывков из Писания. Слуги открыли массивную дверь склепа, внесли туда гроб с телом отца и поставили на катафалк, окруженный горящими свечами и украшенный благоухающими белыми цветами. Мы в последний раз подошли к гробу, чтобы уже навсегда проститься с отцом, и каждый из нас произнес несколько торжественно-печальных слов. Мне вновь почудилось, будто внимательные глаза умерших предков следят за нами. Я почти ожидал увидеть среди небольшой группки плакальщиц и призрак маленького Стефана. Влад не пришел, что нас не особо удивило, но проявил свою всегдашнюю щедрость, заказав изящную золотую табличку (на ней значилось: "ПЕТРУ ЦЕПЕШУ, любимому отцу, мужу и племяннику"), наняв новых исполнительниц бочете и повелев украсить место последнего упокоения отца целым каскадом красных роз... На этом все и закончилось. Двери склепа вновь закрылись, оставив отца наедине с вечностью.

Остаток дня прошел достаточно спокойно. Со времени моей предыдущей записи мы с Мери несколько раз возвращались к моему разговору с Владом и его последствиям (я имею в виду необходимость остаться на родине и занять отцовское место). Я уже писал, что чувствую себя виноватым, обрекая жену, привыкшую к городской жизни, провести остаток своих дней в глуши карпатских лесов. Ближайшим местом, до которого доходит почта, является Бистриц (естественно, не идущий ни в какое сравнение с Лондоном). Чтобы отправить или получить письма, а также сделать необходимые покупки (опять-таки тамошние магазины не чета лондонским), нужно совершить утомительное восьмичасовое путешествие в карете (в один конец!) по извилистым горным дорогам. Зимой снежные заносы полностью отгораживают нас от внешнего мира.

Мери уверяет меня: пока она рядом со мной, эти трудности ее не пугают. До сих пор не пойму, чем же я заслужил такой подарок судьбы, как моя Мери.

Сегодня Мери, сославшись на неважное самочувствие, почти весь день провела в постели. Я отдыхал, читая английский роман, который взял наугад в богатой отцовской библиотеке. Вечером я решил пойти в замок и поговорить с В. На меня волнами накатывала печаль. Праздность – не лучший способ ее развеять. Мне захотелось с головой погрузиться в дела. Я знал: работа облегчит мои страдания, ведь я займусь тем, что завещал мне отец.

На закате я вышел из дома и направился к замку. Путь туда занимает не более пятнадцати минут, и горожанину не помешает размять ноги и пройтись по зеленеющему склону. Было еще совсем светло: заходящее солнце просвечивало сквозь верхушки стройных сосен. В теплом весеннем воздухе слышалось нежное щебетание птиц. Несмотря на идиллический пейзаж, в моей душе разрасталось тревожное чувство, причину которого я понял, услышав неистовый собачий лай. Должно быть, это лаял пес Жужанны. Конечно же, за годы лондонской жизни я начисто позабыл, что в темноте сюда нередко забредают волки.

Сейчас они не столь опасны, как зимой, когда они сбиваются в стаи. Однако мысль о встрече даже с одним хищником заставила меня прибавить шагу. И все же я решил свернуть к склепу и провести несколько минут с отцом.

Подходя к черной металлической оgrade, я увидел сквозь ее прутья жуткую картину: ворота были настежь распахнуты, а на траве валялись трупы двух волков. Я сразу понял, что случилась какая-то беда, и бросился к склепу. Волки лежали почти рядом друг с другом. Их глаза были подернуты пеленою смерти. Одному кто-то раскроил череп, у другого на брюхе запеклась кровь. Скорее всего, звери напали на того, кто приходил в склеп. Человек этот был вооружен, ибо он застрелил волков и скрылся, в спешке забыв закрыть ворота.

Оторвав взгляд от убитых хищников, я заметил, что дверь склепа тоже открыта. Перепугавшись, я бросился туда. Путь мне преградил труп еще одного волка. Перепрыгнув через мертвого зверя, я поспешил к нише, где покоился отец.

Неизвестный побывал и здесь: дверца ниши осталась открытой, а место последнего упокоения моего отца было осквернено. На мраморном полу валялись сметенные безжалостной рукой красные розы. Винты, скреплявшие крышку гроба, были вывернуты и брошены, а сама крышка – снята и прислонена к ближайшей стене. Свинцовый футляр, предохраняющий от распространения трупного запаха, был пропилен и отогнут.

Негодяй посмел надругаться над телом моего отца! Из его груди торчал толстый деревянный кол, вбитый, как мне показалось, при помощи молота. Рот покойного был открыт; внутри что-то белело (вначале я решил, что носовой платок), а его шея...

Боже милосердный!

Бедный мой отец!

Изуверу, совершившему этот акт вандализма, почти удалось перепилить моему отцу шею и отделить голову от туловища, но довести свое мерзкое деяние до конца он не успел. Поскольку отец умер два дня назад, крови было мало. Меня обрадовало, что отцовское лицо

сохраняло умиротворенное выражение. Однако голова, почти отделенная от тела, под тяжестью собственного веса немного запрокинулась. Подбородок приподнялся, и моему взору открылась страшная ярко-красная рана, нанесенная пилой. Жуткого пурпурного цвета мышцы были рассечены, и за ними виднелись шейные позвонки. Еще немного, и злодей добрался бы до них. Мне вдруг показалось, что я перенесся во времени на двадцать лет назад и вновь нахожусь на поляне, где лежал с разорванным горлом Стефан.

Шок, вызванный этим жутким зрелищем, породил странное, полностью захватившее меня видение, которое я мог бы посчитать галлюцинацией, если бы не его исключительная реалистичность.

Я вновь был пятилетним ребенком. Я смотрел на отца и видел очень ясно. Отец выглядел лет на двадцать моложе. В его волосах не было седины. В колеблющемся свете свечей я встретился взглядом с отцом и изумился: его взор был исполнен любви и отчаяния. Отец держал в своей большой сильной руке мою худенькую детскую ручонку. Я вдруг сообразил, что мы с ним находимся не на мокрой от дождя поляне, а в каком-то громадном темном помещении, по стенам которого мечутся тени. Потом перед моим лицом что-то блеснуло. Я вскинул голову, беспомощный, как Исаак в мгновение, когда Авраам занес над ним нож⁸.

Я вдруг почувствовал дикую боль в висках и схватился за голову. Видение тут же пропало, сменившись пугающей мыслью: "Я определенно схожу с ума".

Я опустился на четвереньки, изогнулся и меня вытошнило прямо на холодный пол. Вслед за этим я потерял сознание. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я наконец открыл глаза и с трудом встал. Ноги дрожали и подкашивались. На полу, рядом с гробом, я увидел орудия осквернения: тяжелый железный молот и ржавую ножовку. Там же валялось несколько головок чеснока. Должно быть, вандал не успел забрать орудия своего гнусного действия и в страхе бежал. Только зачем ему понадобился чеснок?

Помешательство не оставило меня, а лишь сменилось состоянием, которое я бы назвал истерической яростью. Признаюсь: окажись этот злодей-осквернитель передо мною, я убил бы его голыми руками. Я знал, что не могу вернуться в дом; нет, только не туда! Я ни словом не обмолвился Мери о своем страшном открытии, и не обмолвлюсь. Представляю, какой ужас вызвал бы у нее мой рассказ и какой вред причинило бы это нашему ребенку. Поэтому вместо того, чтобы вернуться домой, я стремглав понесся по южному склону и вскоре, задыхаясь и обливаясь потом, оказался у массивной дубовой двери замка, которую венчала каменная арка. Я был уверен: только В. сумеет мне помочь, только дядя поймет меня правильно.

Подбежав к двери, я отчаянно забарабанил в нее. Острые металлические заклепки впились мне в кулаки, но я не чувствовал боли. Не получив ответа, я стал выкрикивать дядино имя.

Через какое-то время, показавшееся мне вечностью, дверь медленно приоткрылась, но не более чем на фут. В сумраке проема стояла плотная, коренастая седая служанка, одетая как и все местные крестьянки, только поверх цветастого платья у нее был надет белый фартук, который от обычного отличался тем, что прикрывал еще и спину. На шее служанки висело большое золотое распятие. Женщина недоуменно и довольно сердито глядела на меня.

– Где Влад? – громко спросил я. – Мне нужно немедленно его видеть!

Служанка высунула голову. Ее волосы оказались вовсе не седыми, а светлыми, с проседью на висках.

Да и сама женщина была далеко не старой. Я бы назвал ее быстро стареющей. (Может, это какая-то местная напасть? Мне сразу вспомнилось, как заметно постарели Жужанна и отец.) Лицо служанки показалось мне смутно знакомым, но меня сейчас абсолютно не интересовало,

⁸ Имеется в виду отрывок из Библии, где повествуется об Аврааме, которому Бог повелел принести в жертву своего любимого сына Исаака (Бытие, 22:10).

где я мог ее видеть. Однако память услужливо подсказала: она была на похоронах отца. В детстве я тоже иногда видел ее в числе других служанок.

– Воевода⁹ никого не принимает, – сурово сказала женщина.

– Он обязательно меня примет! – дерзко возразил я. – Мой отец...

Я умолк, едва сдерживая слезы.

Служанка, близоруко щурясь, подалась вперед, затем негромко вскрикнула и тут же прикрыла рот ладонью.

– Да это же сын Петру! Господин, простите меня. Глаза ослабели, а то бы я вас сразу узнала. Вы так похожи на отца. Прошу, заходите.

Она открыла дверь и жестом пригласила меня войти.

– Я должен немедленно видеть своего дядю!

У меня дрожал голос. Служанка покачала головой.

– А вот это, молодой господин, никак нельзя. Он еще не вставал.

– Так разбуди его! – потребовал я.

Бледно-серые глаза служанки округлились.

– Это запрещено, господин, – пробормотала она, явно удивляясь, что я не знаю очевидных вещей. – Всем строго-настрого запрещено тревожить его сон. Слугам не велено попадаться ему на глаза. Только кучеру Ласло позволено входить в его покои. Но воевода должен скоро встать. Тогда и поговорите с ним. Вам-то он не откажет. Пойдемте со мной в гостиную, там и подождете.

Я был настолько потрясен увиденным в склепе, что даже не стал возражать, а позволил служанке взять себя под локоть. Она повела меня по узким коридорам. Затем мы поднялись по каменной винтовой лестнице наверх. И в детстве, и в юности я видел замок преимущественно снаружи. Внутри я бывал крайне редко, и сейчас новизна впечатлений захлестнула меня, еще более усугубив мое и без того взвинченное состояние.

Гостиную правильнее было бы назвать залом. Помещение не имело окон, но в полумраке приветливо горел очаг, распространяя свет и тепло. Я находился в такой прострации, что не слышал слов служанки, и ей пришлось буквально силой усадить меня в кресло возле очага.

– Аркадий Цепеш, – произнесла она, наклоняясь ко мне.

Меня поразил и звук ее голоса, и то, что она знает мое имя. Уловив мое удивление, женщина слегка улыбнулась:

– Я знала вашего отца, молодой господин. Он был очень добр ко мне и часто говорил о вас.

Ее лицо помрачнело.

– Мне больно видеть, как вы убиваетесь по нему. И утешить вас нечем. Мне здесь засиживаться нельзя – хозяин скоро встанет. Хотите, я вам чего-нибудь принесу? Чаю или чего покрепче?

– Лучше коньяку.

– У нас здесь только сливовица, господин.

– Тогда принеси мне сливовицы.

Служанка собралась пойти за напитком, но я протянул руку и задержал ее.

– Говоришь, ты хорошо знала моего отца?

Она кивнула, медленно и скорбно. Я сумел почувствовать ее печаль и искреннюю симпатию к покойному, даже несмотря на мое смятенное расположение духа. Ее слова тронули мое сердце, и я спросил:

⁹ Voievod (рум.) – слово, почти аналогичное по смыслу русскому слову «воевода». В XIX веке оно несколько утратило первоначальный смысл и стало обозначать господина, помещика, хозяина. Во времена Османской империи так называли управителей отдельных областей (господарей) и военачальников.

- Как тебя зовут?
- Машика, молодой господин.
- Ты говоришь с русским акцентом, а имя у тебя венгерское.
- Мой отец был русским.
- А как его звали?

Я знал, что у русских принято обращаться к тем, кого они уважают, по имени и отчеству. Мне хотелось отблагодарить эту женщину за ее доброе отношение и сочувствие к моему горю.

Круглые щеки Машики покраснели.

– Ах, господин, зовите меня просто Машикой. Я вам не ровня. Кто вы и кто я? Всего лишь служанка.

– Ты не просто служанка. Ты была другом моему отцу, поэтому я хочу проявить уважение к твоему. Как его звали?

Ее щеки покраснели еще сильнее, но отговариваться она больше не стала.

– Иваном, господин.

– Машика Ивановна, ты даже не представляешь, какое ужасное зрелище я видел по дороге в замок.

Я спрятал лицо в ладонях, стараясь не дать волю слезам. Машика опустилась на колени, по-матерински взяла меня за руку, и я, давясь словами, рассказал ей об осквернении отцовской могилы.

Лицо служанки посуровело и стало непроницаемым, в глазах блеснули слезы. Она молча гладила меня по руке, потом вдруг заговорила с непонятной мне убежденностью:

– Представляю, какой ужас вы пережили, молодой господин. У меня бы тоже сердце разорвалось. Но помните, молодой господин: вашему отцу покалечили только тело. А сам он спит блаженным сном, и никто... никто не потревожит его сна. Душа вашего отца сейчас с Богом.

Если бы не тяжесть момента, я бы внутренне усмехнулся ее наивным словам. Но ее материнская забота принесла мне столь необходимое утешение. Машика чуть приоткрыла рот, словно намеревалась продолжить свою мысль, но никак не могла решиться.

– Ты хочешь еще что-то мне сказать? – тихо спросил я.

Машика подняла на меня глаза, в которых читалась скорбь вперемешку с откровенным страхом.

– Нет, – торопливо ответила она и поспешно опустила глаза, пряча свой испуг. – Больше ничего. А теперь, молодой господин, схожу-ка я вам за сливовицей, пока графа нет.

Она тяжело поднялась и скрылась.

Я достал платок, вытер глаза и стал глядеть на огонь, стараясь успокоиться и привести в порядок мысли. Я толком не знал, почему отправился за помощью именно к дяде. В нас, Цепешах, течет королевская кровь. Когда-то мы обладали всей полнотой власти над окрестными крестьянами, однако нынче наше господство стало во многом формальным. Мы ведем свой род от дядиною тетки, с которым нас разделяет, правда, несколько веков, – валашского господаря Влада (в прошлом мы именовались господами, но сейчас этот титул способен вызвать лишь снисходительную улыбку, и дядя прав, называя себя графом). Какой-нибудь престарелый румынский аристократ еще признает владычество дяди над этими землями, но нельзя жить прошлым. Трансильвания находится под властью Австро-Венгрии, и наказанием преступников ведаёт жандармская управа в Бистрице. Но я не припомню, чтобы в наших краях когда-нибудь происходили серьезные преступления. Так же как и не было случаев осквернения могил.

Ради доброй памяти отца и торжества закона я не оставляю это злодеяние безнаказанным, даже если мне придется самому выслеживать преступника. Тело моего несчастного отца стало символом злобного и незаслуженно оскорбительного отношения крестьян к нашему роду. Все эти четыреста лет они почему-то нас ненавидят. Нас, от которых зависела и зависит их жизнь.

Мысленно я горячо поклялся, что навсегда положу конец разгулу крестьянских суеверий. Я заставлю их уважать имя Цепешей.

Вскоре вернулась Машика Ивановна и принесла мне сливовицу в хрустальном бокале. Слегка поклонившись, она поставила бокал на столик и торопливо прошептала:

– Храни вас Господь, молодой господин.

Как и в первый раз, я взял ее за руку.

– Побудь со мной еще немного.

Само присутствие этой женщины действовало на меня успокаивающе. К тому же мне хотелось расспросить ее о последних днях жизни отца и попытаться вывести то, что она не решилась сказать.

Машика Ивановна испуганно сжалась. Глаза ее застыли на другой двери, напротив той, через которую мы вошли в гостиную. Осторожно, но твердо служанка высвободила свою руку.

– Простите, господин. Мне нельзя здесь задерживаться. Солнце почти село. Нужно возвращаться домой.

Я не стал ее задерживать. Если бы я не видел, с какой тревогой эта женщина глядела на дверь, откуда вот-вот мог появиться дядя, я бы решил, что ей нужно возвращаться домой лесом, и она вполне оправданно боится волков. Однако, заслышав дядины шаги, Машика Ивановна перекрестилась, приподняла подол платья и буквально выбежала в коридор. Дверь шумно захлопнулась за нею.

Этот звук вновь пробудил во мне притихшую ярость. Из-за дядиных странностей и особенностей, связанных с происхождением нашей фамилии, крестьяне считают Влада каким-то чудовищем, сочиняют о нем небылицы, переплетая их со своими дурацкими суевериями. Но если бы все ограничивалось только небылицами! Сегодня эти суеверия толкнули кого-то из крестьян на преступление против моего бедного отца.

Моя симпатия к Машике Ивановне вдруг сменилась ненавистью. Невзирая на ее доброту к отцу и ко мне, она боялась дяди. Возможно, она даже считала злодеяние в склепе необходимым для спасения души Петру.

Дальняя дверь со скрипом распахнулась, и в гостиную вошел дядя. Высокий, прямой, он двигался величественно и с изяществом, но возраст неумолимо выдавал себя. Меня снова поразила его крайняя бледность. Увидев меня, да еще в таком взбудораженном состоянии, Влад удивленно приподнял кустистые седые брови (видя глаза, похожие на отцовские, слыша мелодичный, почти ничем не отличимый от отцовского голос, мне было особенно трудно сообщить ему чудовищную новость).

– Аркадий? Дорогой племянник, ты уже здесь? Никак не ожидал тебя увидеть так скоро. Но что с тобой? На тебе лица нет...

Я стремительно поднес бокал к губам и глотнул сливовицы. Мне обожгло ноздри, язык и горло (наверное, мне была нужна такая встряска). Стараясь не закашляться, я сказал (меня потряс ровный и даже где-то равнодушный тон моего голоса):

– Над могилой отца надругались. Тело изуродовали...

Дядя поднял руку, показывая, что не в состоянии слушать дальше. Он отвернулся к огню, поник головой и схватился за сердце. Я вскочил, поставил бокал на столик и подбежал к дяде. Мне подумалось, что старику плохо с сердцем, и я мысленно отругал себя за непредусмотрительность. Нужно было учитывать возраст Влада, прежде чем обрушивать на слабого старика такую новость. Но нет, проблемы у дяди были не со здоровьем – его согнуло горе. Он опустился в кресло и молча замер. Прошло несколько долгих минут. Я вернулся на свое место и снова приложился к бокалу.

Наконец дядя заговорил. Правильнее сказать – зашептал. Я не узнал дядинового голоса – он стал твердым и холодным, как мрамор склепа.

– Проклинаю их, – прошептал он, глядя на огонь. – Проклинаю...

Вдруг он повернулся ко мне. Движение это было столь неистовым, что я отпрянул, забрызгав сливовицей жилетку. Лицо Влада перекошилось, а глаза (уже не отцовские, теперь они напоминали глаза Пастуха, склонившегося над Стефаном) сверкали страшным, маниакальным гневом. Я всерьез испугался, не тронулся ли он умом.

– Они заплатят за все! Как они смели подумать, что я...

Должно быть, Влад заметил мое ошеломленное выражение лица. Его взгляд несколько смягчился – гнев исчез, осталась лишь скорбь. Дядя вновь повернулся к очагу и проговорил:

– Я любил твоего отца и не потерплю, чтобы кто-то тревожил его прах.

– Конечно, дядя. Сожалею, что мне пришлось сообщить вам эту жуткую новость. Но я подумал: может, вы поможете мне установить, кто...

Дядя опять повернулся ко мне и простер руку.

– Довольно слов! Я прослежу, чтобы злодей получил по всей строгости закона. Дальнейшее уже не должно тебя волновать, предоставь это мне.

– Иного мне и не остается, – ответил я. – Просто в голове не укладывается: как кто-то мог решиться на подобное кощунство. Это за границей моего понимания.

Подняв бокал, я залпом допил сливовицу.

Губы В. скривились, будто он хотел скрыть удивление или недовольство. Он подошел к старинному креслу с высокой спинкой и парчовым сиденьем, расшитым золотистыми нитями, и сел, тонкими пальцами сжав резные подлокотники. Позой своей дядя напоминал короля на троне.

– Что тут понимать? Дикость и невежество крестьян сводят их с ума.

– Это напрочь сбивает меня с толку. Я всегда верил, что люди по природе своей все-таки добры, а не злы.

Его губы вытянулись в тонкую злую нитку. В словах дяди звучал неприкрытый сарказм, от которого мне стало не по себе.

– В таком случае, Аркадий, тебе предстоит еще многое узнать о людях... и о себе самом.

Эта фраза несколько обидела меня. Дальнейшие слова Влада только усилили обиду.

– Как ты додумался называть служанку по имени-отчеству? Запомни, подобные вольности недопустимы! В твоих жилах течет королевская кровь. Ты – из рода Цепешей, внучатый племянник графа и властителя здешних земель!

Я покраснел. Значит, дядя каким-то образом услышал мой разговор с Машикой Ивановой. Неужели он полностью в курсе того, о чем мы с ней говорили?

Он почувствовал мое настроение, и его тон стал приветливее.

– Довольно об этом! Обещаю тебе: я дознаюсь, кто это сделал, и негодяй получит по заслугам. Давай поговорим о более приятных вещах. Скажи, могу ли я тебе еще в чем-нибудь помочь? Как твоя дорогая жена? Эти дни были чересчур утомительными для нее. Надеюсь, ей хорошо отдыхается?

Выпитая сливовица наконец подействовала на меня. Голова слегка закружилась, по всему телу разлилось приятное тепло, распространившись даже на ноги. Я немного расслабился и понял, почему В. переменил тему разговора. Он стремился увести меня от тягостных мыслей, связанных со смертью отца и осквернением его гроба.

Сказать по правде, меня беспокоило состояние Мери. Дальняя дорога и горестные события минувших двух дней сказались и на ней. Утром мне показалось, что жена чем-то встревожена, но она уверяла меня в обратном, объясняя все своей беременностью.

– Спасибо за заботу, дядя, – откликнулся я. – Мери отдохнула, но еще не вполне. Слишком много всего обрушилось на нее за эти дни.

В. внимательно выслушал мои слова.

– Если ее утомление не пройдет и завтра, я распоряжусь найти и привезти сюда хорошего врача. Пусть поселится у вас в доме и следит за здоровьем Мери до и после родов.

Я начал возражать, говоря, что это будет стоить огромных денег. Дядя властным жестом оборвал меня.

– Вопрос решен. Это пустяк, который я просто обязан сделать для внука Петру и для его сына.

Голос дяди вновь потеплел, а его манеры приобрели прежнюю мягкость. Ободренный такой переменной, я молвил:

– Я в любом случае собирался сегодня навестить вас и поговорить о делах. Я готов взять на себя обязанности, которые исполнял отец.

– Да, конечно, – без промедления ответил дядя. – Но я хотел, чтобы сначала ты оправился после смерти отца. А тут еще новое потрясение. Не торопись, приходи в себя. Дела никуда не убегут.

– Нет, – упрямо возразил я, – дела только отвлекут меня от тягостных мыслей. Мне будет приятно сознавать, что я выполняю отцовскую волю. В своем предсмертном письме он просил меня заботиться о вас и надлежащим образом вести ваши дела.

Глаза В. подернулись влагой.

– Не зря твоего отца называли таким именем... Петру. Скала Он был для меня крепкой скалой, на которой строилось все мое благополучие... Образец верности и преданности. А ты, Аркадий... ты должен знать, что я люблю детей Петру как своих собственных.

В дядиных словах не было ни малейшей примеси фальши. Он произнес их с такой теплотой, что меня захлестнула волна нежности к этому одинокому старику. Невзирая на все его странности и причуды, он был необычайно щедр к нашей семье. За его величественными манерами и патетическими, несколько старомодными словами скрывалась растерянность. Да, он очень, очень богат и в то же время бесконечно одинок, отгорожен от жизни. Он целиком зависел от моего отца... а теперь будет зависеть от меня. Я – его связующая нить с внешним миром.

Мы стали говорить о делах, что помогло мне отвлечься от пережитого ужаса. Дядя обещал завтра вечером проводить меня в отцовский кабинет (теперь это будет мой кабинет), где хранились все расходные книги, банковские счета и прочие бумаги. Он велел мне прийти пораньше, чтобы я успел познакомиться со слугами (сам он общается только с кучером Ласло, больше ни с кем). Дядя поручил мне переговорить со старостой и проехаться по полям. Он даже не знал, что крестьяне сеяли нынешней весной и где. Я вновь подумал о полной беспомощности дяди.

Затем он продиктовал мне письмо, которое я записал по-румынски и сразу же перевел на английский. Письмо было адресовано некоему мистеру Джеффрису. Дядя предлагал этому джентльмену приехать сюда без промедления. Тягостные события уже позади. При своей склонности к затворничеству, писал дядя, он всегда рад насладиться обществом образованного человека. Желая избавить дядю от лишних хлопот, я предложил ему следующее: я возьму письмо с собой, по пути домой занесу в людскую, там отдам Ласло и распоряжусь, чтобы тот с утра отправил в Бистриц. Однако дядя, не подписав письмо, сложил лист и сказал, что сделает это сам, ибо у него есть для Ласло и другие распоряжения.

Таким образом, я занял отцовское место и, можно сказать, уже приступил к управлению хозяйством. Наша встреча с дядей была сравнительно недолгой.

Я почувствовал, что он устал и ждет, когда я уйду. Понимаю, старик привык к одиночеству, и мое присутствие в какой-то степени нервировало его. Уходя, я посетовал на волков. В моем детстве волки представляли серьезную угрозу. Неужели с тех пор ничего не изменилось? Горестно вздохнув, дядя ответил, что серые хищники по-прежнему чувствуют себя весьма вольготно, тогда я попросил, чтобы Ласло отвез меня домой. В. было согласился, затем предложил лучшее решение: он даст мне коляску и пару лошадей – тогда я в любое время смогу спокойно приезжать в замок и возвращаться обратно.

На этом мы простились. Я покидал замок, чувствуя себя гораздо спокойнее. Забравшись в коляску, я тронул поводья и покатил к дому. Поскольку дорога была только одна, то мне опять пришлось ехать мимо семейного склепа. Хотя темнота скрыла все следы совершенного злодеяния, сердце мое вновь наполнилось горечью и гневом.

Как мне жить бок о бок с местными крестьянами, зная, на какие жестокие и отвратительные поступки они способны?

* * *

ДНЕВНИК МЕРИ УИНДЕМ-ЦЕПЕШ

7 апреля (добавлено)

Сегодня я еще раз попыталась разговорить свою горничную Дуню. Как и большинство местных крестьянок, она невысокого роста, щуплая, хотя и сильная. И одевается она так же, как они: платье из грубого домотканого полотна, поверх которого надет белый фартук. Платье весьма нескромно по покрою: оно не доходит даже до щиколоток. К тому же стоит свету упасть под определенным углом, как все, что под платьем, предстает на всеобщее обозрение. Не хотелось бы поспешно обвинять крестьянок в бесстыдстве; скорее всего, такой атрибут цивилизации, как нижнее белье, им просто незнаком.

Дунино лицо отличается белизной. Волосы у нее темные, почти черные, но с рыжиной (особенно когда на них падает солнце). Все это, а также ее имя позволяет мне думать, что Дуня на четверть или наполовину русская. Девушке не больше шестнадцати, но она кажется умной и рассудительной, хотя подобно остальным слугам упорно старается не встречаться со мной глазами. Ее характер представляется мне достаточно открытым, и потому я выбрала именно Дуню, чтобы узнать, чем вызвано такое поведение слуг. Что это – трансильванский обычай или дело здесь совсем в другом? Улучив момент, когда Дуня убирала в спальне, я решила спросить ее напрямую. Услышав свое имя, девушка даже подпрыгнула. Странно: неужели слуг здесь не принято называть по именам?

Оказалось, что мы обе немного говорим по-немецки. Я сказала ей:

– Дуня, я привыкла относиться к слугам по-дружески. Прошу тебя... не надо меня бояться.

Мое недостаточное знание немецкого языка заставляло меня говорить кратко и прямо.

Услышав мои слова, Дуня сделала книксен и ответила:

– Благодарю вас, доамнэ¹⁰. (Я уже знаю, что по-румынски это слово означает «госпожа» или «хозяйка») Но я вас не боюсь.

– Вот и отлично. Но я вижу, что ты боишься кого-то другого. Кого?

Дуня слегка побледнела и бросила быстрый взгляд через плечо – не подслушивает ли кто. Потом приблизилась ко мне (для английских правил хорошего тона она подошла чересчур близко, но, наблюдая за своим мужем, его сестрой и другими местными жителями, я поняла, что и в этом трансильванские манеры отличаются от наших) и прошептала:

– Влада. Воеводу... ну, графа, который в замке.

Дальнейших расспросов мне не требовалось, тем не менее я хотела услышать от Дуни подтверждение своим догадкам.

– Почему? – также шепотом спросила я горничную.

В ответ Дуня торопливо перекрестилась и прошептала мне в самое ухо:

– Потому что он – стригой¹¹.

¹⁰ В оригинале написано doamna, однако правильное румынское написание этого слова выглядит так: doamna, отсюда меняется и его произношение.

¹¹ Strigoi (рум.) – вампир либо вышедший из могилы покойник.

– Стригой? – повторила я румынское слово, которого еще не слышала. – Что это значит? Похоже, мое невежество удивило Дуню. Она не ответила, только крепко сжала губы и покачала головой. Когда я повторила вопрос, горничная молча выскользнула из спальни.

* * *

ДНЕВНИК ЖУЖАННЫ ЦЕПЕШ

8 апреля

Я – злая... злая, греховная женщина, полная греховных мыслей. Тело моего дорогого отца, как говорится, еще не успело остыть, а я предаюсь постыдным мечтаниям.

Я даже не умею правильно молиться. Папа настолько не переносил церковь, что запрещал нам изучать ее обряды. Возможно, они с Кашей правы и никакого Бога нет. Они умные, чего я не могу сказать о себе (иногда мне кажется, что я родилась не только с искривленным позвоночником, но и с кривыми мозгами). Я очень нуждаюсь в успокоении, какого не дадут никакие умные рассуждения; я жажду божественного успокоения.

Утром я опустилась возле кровати на колени (я видела, как это делают крестьяне в придорожных часовенках) и попыталась вымолить прощение. Не знаю, удалось ли мне это, ибо уже от одного стояния на коленях у меня закружилась голова. Горе минувших дней истощило все мои скромные силы. Однако чувствую, что не могу показаться на глаза Каше и его славной сильной Мери, не облегчив предварительно свою совесть.

Когда я встала (у меня так кружилась голова, что пришлось взяться за спинку кровати, иначе я бы вновь очутилась на коленях), я почувствовала непреодолимое желание описать случившееся. Пусть это будет моей исповедью. У меня нет духовника, и дневник заменит мне исповедника, хотя мои щеки пылают от стыда даже сейчас, когда я поверяю бумаге свои греховные побуждения.

Позавчерашним вечером мы отмечали папину поману. Впервые после многих недель я увидела дядю. Несомненно, это его доброта и любовь к нам спровоцировали мой сон. После отъезда Каши мне было очень одиноко. Папа тоже выглядел совсем несчастным (позже к его душевным страданиям добавилась еще и болезнь). К тому же он был вечно занят делами по управлению хозяйством. Я целыми днями оставалась одна. Мне было чудовищно одиноко в этом громадном, пустом доме. Дядя изредка навещал меня. Если бы не его визиты и не письма Каши, я бы непременно сошла с ума.

Возможно, я и в самом деле немного помешалась. Первое время после отъезда Каши я разговаривала с ним так, будто он никуда не уехал, а находится рядом. (Правда, я старалась, чтобы не услышали слуги. Им нельзя доверять, они и так слишком боятся нашей семьи и отпускают о нас нелепые сплетни.) Потом я начала беседовать с маленьким Стефаном. Иногда я воображала, что он вместе со мной и Брутом ходит по комнатам и коридорам нашего дома или сидит возле меня. Я устраивалась в кресле со своей вышивкой, Брут сворачивался у моих ног, а я вела разговоры со Стефаном (если бы кто-нибудь их услышал, то ничего не заподозрил бы, решив, что я говорю с собакой).

А иногда я представляла Стефана своим ребенком, которого на самом деле у меня никогда не будет.

Как тяжело жить в болезненном, слабом, увечном теле! Мне хорошо знакома телесная боль. Но несравненно страшнее боль душевная, сознание того, что ты никогда не узнаешь любви мужа и детей. Я обречена на одиночество и вынуждена довольствоваться платонической любовью брата и дядиными словами утешения. Я становлюсь еще более увечной, наблюдая за счастьем Каши и его молодой жены (а они, несомненно, счастливы). Даже небольшие знаки внимания, которые дядя оказывал Мери во время поманы, и те вызывали у меня жгучую зависть.

Боже, убереги меня от моего злого сердца!

Всю позапрошлую ночь Брут мешал мне спать своим лаем. Вчера, едва я только легла и начала погружаться в сон, он снова залаял. Тут уж я не выдержала, встала, отвела своего беспокойного пса на кухню и заперла его там. Вернувшись в постель, я сразу же заснула.

Меня разбудил стук в окно спальни. Точнее, мне снилось, что я проснулась от подобного звука. Стук был негромким, но настойчивым, словно какая-то птица билась крыльями в стекло. Ночи пока еще очень холодные, прежде чем лечь, я закрыла окно. Мне снилось, что я встала и двинулась на звук. Я не испытывала ни страха, ни даже любопытства, будто точно знала, что – вернее, кого – увижу, и как будто неведомая сила влекла меня открыть створки.

Я открыла ставни, а потом и окно. Никого, только лунный свет, разлившийся золотисто-белым пятном по полу спальни. В этом бледном сиянии кружились, поблескивая, пылинки, вначале лениво, затем все быстрее и быстрее. Они соединялись друг с другом, образуя какую-то фигуру.

От их бешеной пляски у меня закружилась голова, и я закрыла глаза. Когда я открыла их снова, в луче света стоял... дядя. Я вспомнила, что похожий сон снился мне прошлой ночью, и позапрошлой. Тогда я видела дядино лицо за окном. Сегодня, поскольку я увела Брута, ничто не мешало дяде войти.

Он показался мне моложе и обаятельнее, чем в жизни, и это тоже меня не удивило. Я не испытывала ни страха, ни потрясения, ни даже неловкости от того, что дядя оказался ночью в моей спальне. Наоборот, я – грешная женщина – бесстыднейшим образом протянула к нему руки и прошептала:

– Дядя, как я рада, что вы пришли!

Он стоял молча, не шевелясь, будто ему не хотелось двигаться. Я чувствовала, как напряглись мышцы его рук (невзирая на возраст, у дяди оказались очень сильные руки). Они сделались твердыми, буквально каменными. Некоторое время мы оба молчали, глядя друг другу в глаза. (Какие это глаза! Не одну женщину они способны свести с ума – большие, изумрудно-зеленые, прикрытые тяжелыми веками.) В лунном свете от его кожи исходило странное сияние, похожее на белый огонь.

– Жужа, – наконец произнес дядя. – Боюсь, что это роковая ошибка. Я должен уйти...

– Нет! – взмолилась я, вцепившись в него и опасаясь, что он вот-вот рассыплется, превратится в блестящую пыль. – Я этого хочу. Разве вы не видите? Это я звала вас сюда, ночь за ночью! Вы только поцелуйте меня!..

Под тонким шелком плаща дядины мышцы снова напряглись, потом расслабились, после чего он поднял руку и потрепал меня по щеке. Рука его была совсем ледяной. Завороженная, я глядела в его глаза и видела, как покраснели зрачки, будто зелень леса внезапно охватило пламя пожара.

– Ну пожалуйста, – прошептала я.

Он подался вперед и прильнул губами к моей щеке. Да, его губы были холодны, но обжигающе холодны. Я стала падать назад и почувствовала, как его крепкие, стальные руки бережно подхватили меня.

– Я так голоден, Жужа, – прошептал дядя. – Я более не в силах противиться...

Он провел губами по моей коже (я ощутила его горячее дыхание) и начал опускаться все ниже и ниже... к подбородку, потом еще ниже, к самой шее. Там он задержался, а я вся дрожала от наслаждения. Затем другой рукой дядя потянул завязку, удерживавшую мою ночную рубашку, и прозрачная белая ткань соскользнула мне на талию. Я никогда не решалась обнажать свое увечное тело, и моя кожа не знала солнечного света. Однако дядя был еще бледнее меня. В это время луна вышла из-за туч, и дядина кожа замерцала, точно опал с золотистыми, розовыми и голубыми вкраплениями.

Опустив руку мне на грудь, дядя сложил ладонь чашей (Боже, прости меня! Мне очень тяжело писать эти строки, ибо в моей душе стыд борется с плотским наслаждением. Но если бы дядя оказался сейчас рядом, я бы сама положила его руку себе на грудь!), склонился еще ниже, коснувшись своими красными губами ложбинки у основания моей шеи. Потом он спрятал лицо между обеих моих грудей. Там он замер, а я, утопив пальцы в его густой шевелюре, изо всех сил прижала его голову к себе. Неожиданно дядя распрямылся и, дрожа, будто он ослаб от голода, приложился губами к моей шее. Я ощутила, как его язык осторожно, даже лениво, касается моей кожи, потом почувствовала прикосновение его зубов.

Дядя выжидающе замер.

Я росла затворницей, ничего не знающей ни о жизни, ни о любви, поэтому дальнейшие подробности сна прошли как в тумане. Помню только, что меня пронзило острой болью и сразу же окутало волной экстатического чувственного наслаждения. Я была словно куском воска, тающим в горниле пожара. Я почувствовала, что мы с дядей слились воедино. Все мое существо поднялось, будто морская волна, устремилось к нему, взметнулось и опало. Я вскрикнула и забилась, сию же минуту окончательно сбросить ночную рубашку. Я обвила дядю руками и ногами и прижала его к себе. Между нашими телами не осталось даже крошечного просвета.

Не могу сказать, сколько длилось это блаженство. Помню только, что я лежала в его руках, совершенно обессиленная и переполненная наслаждением. Даже биение сердца подчинялось ритму наслаждения. Когда же дядя отделился от меня, я почувствовала, что он пожертвовал своим наслаждением ради меня, предпочел вместо удовлетворения лишь приглушить свой голод.

Мои щеки пылают, как у новобрачной, вспоминающей свою первую ночь! Сон был настолько живым, что даже сейчас я нахожусь в замешательстве, не зная, снилось ли мне все это или происходило на самом деле. Утром я проснулась, дрожа от холода. Оказалось, что я лежу совершенно голая на развороченной постели, а моя ночная рубашка валяется скомканной на полу, возле окна.

Дядя стал мне ближе, чем когда-либо прежде, как будто у нас появилась общая тайна, греховная и сладостная.

Я пишу эти строки с бесстыдством шлюхи. Неужели это я говорила, что жажду прощения? Теперь уже нет! До сих пор моя жизнь была пустой и печальной. Пусть испытанное мною является страшнейшим из грехов, пусть это безумие, галлюцинация, самообман... я не хочу отказываться от величайшей радости, которую мне довелось испытать. Я познала счастье и готова расплатиться за него муками ада. Сегодня вечером я опять запроу Брута на кухне и лягу спать с открытым окном "на случай повторения сна".

Если дядя уедет в Англию, я умру!

Глава 3

ПИСЬМО К МЭТЬЮ П. ДЖЕФФРИСУ

(Записано под диктовку и переведено с румынского на английский)

7 апреля

Дорогой друг!

Добро пожаловать в Карпатский край! Я был немало раздосадован, узнав, что Вы вознамерились отложить Ваш приезд. Однако возникшие обстоятельства все равно не позволили бы мне принять Вас у себя в замке в указанное время. Как видите, что ни делается, все к лучшему, и Ваша задержка с приездом оказалась весьма кстати.

Рад Вам сообщить, что сейчас наступила исключительно благоприятная пора для Вашего визита. Я получил Ваше письмо из Вены и узнал, что Вы прибудете в Бистриц восьмого апреля, вечером. Там это письмо будет ожидать Вас (как ожидаю Вас и я, только с большим нетерпением). Советую Вам хорошенько отдохнуть, но не проспать, ибо дилижанс до Буковины отправится на следующее утро, в восемь часов. Мой кучер встретит Вас в ущелье Борго и доставит в замок.

Ваша предполагаемая статья для "Таймс" меня просто заинтриговала. Буду счастлив снабдить Вас любыми полезными сведениями, какими только располагаю. Я уже предвкушаю удовольствие, которое надеюсь получить от бесед с Вами.

Пусть последний отрезок Вашего путешествия не доставит Вам никаких неприятностей, и Вы сполна насладитесь пребыванием в моих прекрасных владениях.

Остаюсь Ваш друг

Влад Дракула.

* * *

ДНЕВНИК МЕРИ УИНДЕМ-ЦЕПЕШ

8 апреля

Боже милостивый, как мне рассказать обо всем этом моему мужу?

Чувствую, вчера что-то произошло, нечто такое, что лишь добавило к горю Аркадия новые огорчения. Возможно, между ним и Владом произошла ссора, или же муж сделал в замке какое-то шокирующее открытие. Правда, не думаю, чтобы оно было более шокирующим, нежели мое.

Интуитивно я сразу же поняла, что Жужанна безумно влюблена в своего дядю, а тот не делает ничего, чтобы погасить опасное пламя. Наоборот, он только раздувает огонь. Спрашивается, ради чего?

Бедный Аркадий, вечером он выглядел совершенно потерянным. Он не пошел спать, а почти всю ночь просидел в гостиной с книгой. Я так привыкла слышать рядом его ровное дыхание и ощущать тепло его тела, что тоже не смогла заснуть. Я уже подумывала, не зажечь ли лампу и не взяться ли за дневник, но мои глаза и так устали от многочасового чтения и писания. Вплотьмах я подошла к эркеру, намереваясь приоткрыть окно в надежде, что свежий ночной воздух подействует лучше любого снотворного. Из облаков выплыла почти полная луна. Мне так понравилась эта картина, что я решила немного понаблюдать за ночным светилом и села на пуфик перед окном. Луна прошлой ночью светила почти так же ярко, как солнце, и все окрестности были видны в мельчайших деталях.

То крыло дома, где находится наша спальня, заканчивается двумя параллельно стоящими флигелями, разделенными лишь узкой лужайкой. В одном из флигелей расположились мы с

Аркадием, а во втором – напротив нашего – обитает Жужанна (если бы мне взбрела в голову дурацкая затея бросить в ее окно камень, я легко смогла бы это сделать). Обе спальни имеют большие эркерные окна, из которых днем открывается замечательный вид. Ночью мы оберегаем свой покой, задергивая плотные портьеры, а Жужанна отгораживается от внешнего мира ставнями.

Однако минувшей ночью я приподняла краешек портьеры, чтобы полюбоваться луной. И тут же я заметила силуэт зверя, бегущего по лужайке и направлявшегося в сторону спальни Жужанны. Должно быть, волк (Аркадий не раз говорил мне, что по ночам волки подходят к самому дому). Я припала к стеклу, желая получше разглядеть ночного гостя. Страха я не испытывала: портьера надежно скрывала меня от волчьих глаз, да и сомнительно, чтобы зверь смог допрыгнуть до второго этажа, расположенного достаточно высоко. Меня охватило любопытство – как и любая горожанка, я никогда не видела живых волков. Только на картинках в иллюстрированных книжках.

Но как следует разглядеть волка мне помешал... звук открываемых ставен. Жужанна открыла их створки, затем распахнула половину эркерного окна. В ее спальню хлынул лунный свет.

Я перепугалась и уже собиралась предостеречь Жужанну – крикнуть, что под окнами бродит волк, но заметила рядом с моей невесткой... фигуру мужчины. Не знаю, каким образом он проник в ее спальню, зато я безошибочно узнала этого человека. Дядя Влад.

Меня охватил ужас, только уже другого свойства. Я видела, что они обнялись, а потом Влад развязал тесемки ее ночной рубашки, и та упала, обнажив тело Жужанны.

Мне тяжело писать об этом. Более не желая быть свидетельницей постыдной сцены, я тут же задернула портьеру.

Ночь прошла почти без сна. Я в замешательстве. Аркадий и так подавлен. Я прекрасно вижу, как он мучается. Если рассказать ему о своих ночных наблюдениях – это лишь увеличит груз его страданий. Что же предпринять? Поговорить без обиняков с Жужанной? С Владом? Или вообще молчать об увиденном?

Аркадий, дорогой мой. У меня сердце сжалось, когда я увидела тебя после возвращения из замка. А вдруг именно это и является причиной твоих переживаний? Может, ты уже все знаешь?

* * *

ДНЕВНИК АРКАДИЯ ЦЕПЕША

9 апреля

Я начинаю думать, что все в замке страдают легкой формой помешательства.

Вчера под вечер я отправился туда, дабы ознакомиться с состоянием дел в дядином хозяйстве. Разумеется, ни Жужанне, ни Мери я и слова не сказал о чудовищном злодеянии в склепе. Боюсь даже думать, как бы они обе пережили это потрясение. Думаю, и я не смог бы пережить его вторично. И все же по пути в замок я остановил коляску у ограды склепа и вошел внутрь.

Увиденное успокоило мое сердце. Крышка гроба была вновь крепко привинчена, помятые и потоптанные розы заменены свежими, а мраморный пол чисто отмыт. Инструменты злодеяния – молот и пилу – унесли из склепа, и все внутри выглядело, как прежде. Я испытывал глубокую благодарность к дяде. Я видел, как на него самого повлияли мои слова об осквернении могилы. Однако он сдержал данное мне обещание, облегчив тем самым мою участь и сохранив покой наших женщин.

Но в замке я опять почувствовал подавленность. Меня провели в отцовский кабинет. Казалось, отец куда-то ненадолго отлучился (все эти дни сюда никто не входил). Кабинетом

ему служило небольшое, скромно обставленное помещение в восточном крыле замка, из окна которого открывался завораживающий вид на Карпаты. Бумаги я нашел в полном порядке, поэтому узнать о состоянии дядиных финансов мне не составило труда. Я углубился в работу, и печаль незаметно рассеялась.

Должен признаться, меня поразили размеры богатства В. Странно, что при этом он как будто экономил на слугах. В замке работали всего три горничные, одна повариха, один конюх, садовник, буфетчик и, разумеется, Ласло – кучер, не понравившийся мне с первого взгляда. Переговорив со старостой, я сделал крайне удручающее открытие: крестьяне, работавшие на наших землях, находились в положении крепостных. Дядя обладал всей полнотой власти над ними, пользуясь *droits de seigneur*!¹² Я привык считать феодализм достоянием прошлого, несправедливой системой отношений между людьми, при которой закон и все права на стороне землевладельца. Из истории я знал, что крепостные крестьяне платили феодалу десятину за право пользоваться его землей, и еще десять процентов от суммы своих доходов. В нашей стране к этому добавлялся третий вид поборов, бир¹³ – внушительная плата за «защиту». Правда, тут же я выяснил, что крестьяне моего дяди десятины не платили и от своих доходов отчисляли не десять, а пять процентов. Что касается бира – плата была вообще символической (взимание этой подати очень удивило меня; как будто мы до сих пор жили под угрозой турецкого нашествия!). Продолжая знакомиться с положением дел, я натолкнулся на новый сюрприз: за свою щедрость дядя требовал от крестьян только одного – безропотно делать для него любую работу, причем тогда, когда он повелит. Сегодня я видел крестьянина, пришедшего в замок чинить каменную кладку рядом с входом. При моем появлении он почтительно поклонился, но стоило мне пройти, как я услышал за спиной его сердитое бормотание: «На своем поле пропасть работы, а тут ковыряйся, выполняй господскую прихоть». Работал он явно спустя рукава. Неужели и покойный отец, и дядя правы, называя крестьян «неблагодарными скотами»?

Вот уж никак не ожидал столкнуться в родном краю с феодальными порядками! Естественно, при такой постановке дел В. получает лишь ничтожную часть доходов, которые может и должен получать. Пока сохраняются феодальные порядки, большего он и не получит. Было бы куда разумнее устранить прежнюю систему податей, освободить крестьян от обязательной работы на Влада наподобие той, что я наблюдал сегодня, и сделать их наемными работниками. Тогда они будут получать заработную плату (она должна быть пропорциональна затраченным усилиям), а доходы от продажи урожая потекут к дяде. Боюсь, что его непомерная доброта только развратила крестьян. Еще немного, и они начнут помыкать дядей.

Но меня больше тревожит, что почти в середине девятнадцатого века еще остались феодальные отношения между людьми. Получается, дядя "владеет" крестьянами и их домами. Каким бы щедрым и заботливым ни был рабовладелец, он все равно останется рабовладельцем. Никто не имеет права распоряжаться судьбой других людей. Неудивительно, что у здешних крестьян нет стимула усердно и честно трудиться. Насколько благотворнее подействовала бы на их нравы система наемного труда, когда добрая работа по-доброму и вознаграждается!

Удивило меня и то, как много дядя платит слугам в замке (в Англии расторопный, хорошо воспитанный слуга получает куда более скромное жалованье). Их почтительность ко мне – жалкий грим, под которым они неумело скрывают свое настороженное и враждебное отношение. Сегодня я вновь это почувствовал, хотя до сих пор не разобрался в скрытых пружинах такого поведения. То ли слуги презирают меня, то ли боятся, или же испытывают оба этих чувства одновременно. Только Машика Ивановна отличается добрым и спокойным характером, что как нельзя кстати, ибо в ее ведении находится восточное крыло замка (где помеща-

¹² *Droits de seigneur* (фр.) – права сеньора (феодалное право).

¹³ Бир (рум.) – дань, подать.

ется мой кабинет), а также западное (покои дяди). Две другие горничные – Ана и Хельга – хотя и молоды, но уже успели развить в себе холодно-пренебрежительное отношение к нашей семье.

И все же я начинаю сомневаться в крепости рассудка Машики Ивановны. Из-за дядиных странностей, с одной стороны, и презрения слуг – с другой, в замке установилась тягостная атмосфера. Мне думается, что несколько десятков лет ежедневного пребывания в ней не могли не повлиять на сознание крестьян, и так склонных к суевериям и предрассудкам. Впрочем, опишу все по порядку. Собрав слуг в центральной части замка, я представился им, после чего направился в отцовский кабинет. Вскоре в восточном крыле появилась Машика Ивановна. Наверное, ей нужно было там прибрать, предположил я. Она долго и старательно протирала всю мебель в кабинете (я уже писал, что его размеры невелики и мебели там немного). Затем она остановилась и так выразительно засопела, что мне пришлось прервать работу и спросить, не хочет ли она поговорить со мной.

Лицо Машики Ивановны сделалось задумчивым и тревожным, словно она никак не могла принять трудное решение. Наконец она отложила тряпку, подошла к полуоткрытой двери и беспокойно выглянула в полутемный коридор – не прячется ли там кто-нибудь, убедившись, что в коридоре пусто, она закрыла дверь и поочередно подошла к обоим окнам. (Если я еще могу вообразить некоего шпиона, притаившегося в сумраке коридора, то кого эта женщина опасалась по ту сторону окон? Их створки были плотно закрыты, а сам кабинет находится на втором этаже и возле стен здесь нет ни одного дерева). Окончательно уверившись, что никто за нами не подглядывает и не подслушивает нас, Машика Ивановна приблизилась ко мне почти вплотную и прошептала:

– Молодой господин, мне нужно поговорить с вами! Но вы должны поклясться, что никогда не расскажете об этом другим, иначе мы с сыном можем поплатиться жизнью.

– Поплатиться жизнью? – повторил я, сбитый с толку странными словами и не менее странным ее поведением. – О чем ты говоришь?

Естественно, я не стал шептать и говорил нормальным голосом. Это испугало ее еще сильнее. Машика Ивановна приложила палец к губам, потом прошептала:

– Сначала поклянитесь! Поклянитесь перед Богом!

– Я не верю в Бога, – достаточно жестко ответил я. – Но я могу дать тебе слово честного человека, что об этом разговоре никто не узнает.

Машика Ивановна внимательно глядела на меня. Ее лоб прочертили морщины – видимо, она сильно волновалась. Видимо, мое обещание все-таки удовлетворило ее, поскольку она кивнула и сказала:

– Молодой господин, вы должны немедленно отсюда уехать!

– Уехать? – переспросил я, ощущая раздражение.

– Уезжайте отсюда прямо в Англию! Сегодня же, пока солнце не село!

– А с какой стати я должен уезжать?

Машика Ивановна напряженно подыскивала слова для ответа. Воспользовавшись ее молчанием, я продолжал:

– Я не могу сорваться с места и уехать. Моя жена находится на седьмом месяце. Путешествие сюда и так стоило ей немалых сил. Она до сих пор не оправилась.

Кажется, мой решительный тон настолько испугал горничную, что у нее в глазах блеснули слезы. Смешавшись, бедная женщина опустила передо мной на колени и умоляющее протянула ко мне руки. Ни дать ни взять – Христос, молящийся в Гефсиманском саду¹⁴.

– Если вы мне не верите, уезжайте хотя бы из любви к своему отцу. Но торопитесь!

¹⁴ Имеется в виду так называемое «Моление о чаше», происходившее в Гефсиманском саду незадолго до того, как Иуда привел стражников и Иисус был схвачен (см.: Матф. 26 : 39).

– Скажи, почему? – потребовал я, поймав Машику Ивановну за локоть и попытавшись поставить ее на ноги. – Почему я должен уехать?

– Если не уедете сейчас, потом будет слишком поздно. Вы, ваша жена и маленький – все попадете в ужасную беду.

– С чем она связана?

– С договором...

Бессмыслица какая-то, однако при слове "договор" в моей памяти что-то мелькнуло. Лицо Машики Ивановны стало таять. Я снова увидел себя глазами пятилетнего мальчишки, доверчиво глядящего на отца, отец взмахнул рукой... блестящее лезвие ножа описало серебристую дугу...

И вновь невидимые пальцы сдавили мне виски. Мозг пронзила знакомая мысль: "Я схожу с ума".

Чепуха! Просто у меня разболтались нервы. Я слишком много пережил за эти дни: смерть отца, потом... там, в часовне...

В это время дверь кабинета приоткрылась. Я быстро оглянулся и увидел кучера Ласло: он только что вошел и мял в руках шапку. Мне подумалось, что Машика Ивановна, когда выглядывала в коридор, неплотно закрыла дверь. Трудно сказать, когда появился кучер – только что или же он какое-то время тихо стоял в коридоре, подслушивая наш разговор. Обликом своим Ласло вовсе не походил на злодея. Типичный венгерский крестьянин средних лет: светловолосый, с бледноватым круглым лицом (при других обстоятельствах его лицо можно было бы посчитать вполне добродушным) и мясистым красным носом, что свидетельствовало о пристрастии кучера к выпивке.

Но Ласло распространял вокруг себя какую-то неприятную атмосферу, словно он вобрал в себя все худшее, что обреталось в замке.

Машика Ивановна тоже повернулась к двери. Думаю, появившись в кабинете черт с рогами, она бы и то меньше испугалась. Но при виде Ласло бедная горничная широко раскрыла глаза, шумно вздохнула, перекрестилась и бросилась вон, даже забыв спросить у меня позволения уйти.

Ласло проводил ее легкой снисходительной ухмылкой, как будто испуг Машики Ивановны ему даже льстил. Затем кучер обратился ко мне, сообщив, что пришел официально представиться и предложить свои услуги. Я довольно сухо поблагодарил его и ответил, что мне от него ничего не нужно, поскольку дядя подарил мне коляску и лошадей.

Приход Машики Ивановны неприятно подействовал на меня, но я отнес ее предостережения на счет крестьянских суеверий и продолжал работать вплоть до самого вечера. Затем я встретился с дядей. Я дал ему краткий отчет о состоянии дел и искренне поблагодарил за наведение порядка в склепе. Однако дальнейший характер нашей встречи был отнюдь не мирным. Мы едва не поссорились, когда я завел речь о необходимости освободить его крепостных крестьян.

Я упорно настаивал на том, чтобы дядя отказался от феодальных методов правления, сделал крестьян вольнонаемными работниками и платил бы им за их труд. От этого, уверял я, выиграют и он, и крестьяне. Ответы дяди меня удивили. Давно ли он рассуждал о необходимости приспособливаться к меняющейся жизни? Сейчас же передо мной находился упрямый и ограниченный феодал. Дядя и слышать не желал ни о каких реформах. Он гордился своей щедростью по отношению к семье и слугам и утверждал, что такова традиция рода. А для меня – потомка рода Цепешей – нет и не может быть ничего важнее, чем бережное сохранение наших традиций.

– Хорошо, давайте взглянем на это под другим углом, – предложил я, пробуя воззвать к его щедрости. – Феодализм просто безнравствен. Ваша власть распространяется на саму жизнь крестьян. Без вашего позволения они не могут покинуть деревню. По первому вашему требо-

ванию они обязаны являться в замок на работу. Пусть они люди низкого происхождения, но они тоже люди и имеют право сами распоряжаться своей судьбой.

– Нравственность здесь ни при чем, – твердо возразил дядя, где-то даже насмехаясь над моим либерализмом. – Такова наша семейная традиция. Она – основа нашего рода, и никому не позволено ее менять. Со временем, когда ты, Аркадий, станешь старше и мудрее, ты это поймешь.

Думаю, эти слова больно ударили меня по самолюбию. Забыв о всяком уважении, я почти закричал:

– Традиции рода Цепешей ни в коем случае не могут быть важнее человеческих прав и свобод!

Дядя вздрогнул, словно я дал ему пощечину. Его глаза осветились холодной волчьей яростью и вспыхнули красным огнем (возможно, я преувеличиваю, и в дядиных глазах просто отразилось пламя очага). Он резко и быстро (я бы сказал, по-звериному) повернулся в мою сторону. Дядя тут же подавил свой порыв, однако я моментально превратился в испуганного, охваченного паникой ребенка, который съезжился, увидев превратившегося в дикого зверя и готового к прыжку Пастуха.

Я моргнул, и неприятное ощущение меня покинуло. Дядины глаза были холодными, но вполне спокойными. И сам он неподвижно сидел в своем кресле. "У тебя слишком разыгралось воображение", – подсказывал мне разум...

– Ты не должен говорить подобные слова о нас, Цепешах, – нарушил молчание дядя. Голос его был тихим и отчужденным. – Иногда ты слишком напоминаешь свою мать. Она была слишком своевольной и слишком непочтительно относилась к нашим традициям. Боюсь, ты унаследовал от нее не только цвет глаз.

Возможно, дядя был прав. Мне трудно судить, ведь я не знал матери, но я всегда был упрямым и нетерпеливым, отличаясь характером и от отца, и от Жужанны. Когда мне угрожали, я кидался в драку. Поэтому, вопреки недовольству дяди и его странной вспышке, я не собирался сдаваться и покорно молчать.

– Я не имел в виду непочтительное отношение к традициям. Я люблю нашу семью и чту ее устои. Но феодализм не имеет ничего общего с традициями нашего рода. Феодализм – это рабство и потому он безнравствен по своей природе.

Дядин гнев утих, однако его глаза по-прежнему как-то странно, по-звериному блестели, и этот блеск пугал меня сильнее, чем вспышка ярости. Потом дядя улыбнулся, его полные красные губы разошлись, обнажая на удивление крепкие, как у молодого, зубы.

– Ах, милый мой Аркадий! Я так давно живу на свете, что устал от жизни. Но твоя молодость и неопытность напоминает мне то далекое время, когда я сам был твоего возраста. Как приятно было бы вновь сделаться идеалистом, относящимся к жизни с наивным восторгом. Тридцать лет назад таким же был твой отец – пылким, готовым защищать принципы справедливости!

Дядя нахмурился.

– Вскоре ты поймешь ошибочность своих мыслей, как в свое время понял твой отец, а еще раньше – его отец. Мой брат поначалу тоже был весьма романтической натурой.

Я попытался вернуть нашу беседу к положению крестьян, но дядя напрочь отказался говорить на эту тему, а стал обсуждать свои планы, связанные с поездкой в Англию. Он предполагал отправиться туда в конце будущего года, когда здоровье Жужанны окрепнет, а наш малыш немного подрастет. Я пообещал дяде сделать все, что в моих силах, и связаться с конторами по торговле недвижимостью (дядя намеревался купить большой загородный дом или поместье).

Как бы ни впечатляла меня дядина щедрость, мне было неприятно слушать его пренебрежительные отзывы о моей матери и столь же пренебрежительные разглагольствования

касательно моей наивности. Вероятно, у аристократии не осталось другого средства защиты, нежели оскорбление людей с прогрессивными взглядами и издевательство над идеями равенства. Я решил отныне держать свои суждения при себе. Как-никак, дядя значительно старше меня, и я не вправе пытаться переделать его мировоззрение. Но когда замок и все владения перейдут ко мне (думаю, это вопрос нескольких ближайших лет), я ни за что не стану продолжать феодальные "традиции" рода Цепешей.

Я, что называется, прикусил язык и больше не спорил с дядей. Вскоре мы расстались. К девяти часам вечера я вернулся домой и нашел Мери уже в постели. Я не стал засиживаться и тоже лег, забывшись беспокойным сном, полным тяжелых сновидений.

* * *

Следующий день (правильнее сказать, сегодняшний, когда я пишу эти строки) прошел намного приятнее. После полудня я отправился в замок и узнал, что Ласло привез туда дядиногo гостя – некоего мистера Джеффриса, молодого англичанина, путешествующего по Трансильвании. Насколько я знаю, владелец бистрицкой гостиницы приходится нам дальним родственником и всегда красочно расписывает иностранным путешественникам дядин замок, отзываясь о нем как об уголке ожившей истории и предлагая туда съездить. Дядя всегда рад гостям, принимает их с необычайным гостеприимством и не берет с них ни гроша. В обязанности моего отца входило вести переписку с потенциальными визитерами и быть их гидом, когда они приезжали в замок.

Вот еще одна дядина странность, которой я не мог найти разумного объяснения. Он сторонился даже собственных слуг, общаясь только с нами, и в то же время охотно раскрывал двери замка для совершенно незнакомых людей. Тем не менее я обрадовался приезду англичанина. Мне не терпелось услышать новости из английской жизни, ведь еще совсем недавно я думал об Англии как о своей второй родине.

Я сразу же отправился повидать мистера Джеффриса. Ему отвели одну из комнат для гостей в северном крыле замка. Англичанин оказался долговязым блондином с лицом молочно-белого цвета (такие лица всегда легко краснеют), приветливым и без малейших признаков пресловутой английской чопорности. Он буквально воспрянул духом, встретив в замке хоть одного человека, говорящего по-английски. Ему удалось кое-как объясниться на ломаном немецком с горничной Хельгой, остальные две горничные не знают ни английского, ни немецкого. Джеффрис испытал тягостное состояние "безъязычия", знакомое каждому, кто попадает в чужую страну, не умея объясняться на местном наречии (нечто схожее испытывал и я, попав в Лондон, хотя мне казалось, что я в достаточной мере знаю английский и могу на нем говорить). Раздосадовало гостя и то, что дядя не говорит по-английски и беседовать с ним придется на немецком языке, в котором Джеффрис не силен. Естественно, он с благодарностью принял мое предложение быть переводчиком во время их разговоров.

Джеффрис отрекомендовался мне журналистом и сказал, что не захотел идти по стопам отца. Родился он в семье торговца, и, надо полагать, весьма преуспевающего. К такому выводу я пришел, увидев у гостя прекрасные и очень дорогие золотые карманные часы, на которых красовалась инкрустированная серебром (или белым золотом) буква "J"¹⁵, и золотое кольцо с такой же инкрустацией, блестевшее у него на мизинце. Я никак не мог понять, зачем выходцу из низших слоев общества понадобилось демонстрировать признаки семейного достатка? Откуда эти гордость и тщеславие?

Ну и ну! Сам себе удивляюсь. Только вчера я до хрипоты спорил с дядей, отстаивая равноправие, а сегодня рассуждаю как какой-нибудь сноб-аристократ. Из каких бы слоев обще-

¹⁵ Первая буква фамилии Jeffries.

ства ни происходил мистер Джеффрис, но он – человек умный и образованный. У него живые глаза и удивительно подвижное лицо. Чувствуется, он пытлив и любознателен, а это прекрасные качества для газетчика.

Общение с мистером Джеффрисом было настолько приятным, что я решил показать гостю замок (за исключением дядиных покоев). Когда мы поднимались по каменной винтовой лестнице, я спросил у него:

– Мне пришлось переводить дядино письмо, адресованное вам в Бистриц, и я невольно узнал, что вы задумали написать статью для лондонской "Таймс". Насколько понимаю, вы хотите взять у дяди Влада интервью? О чем будет ваша статья? О трансильванской истории? Или вы хотите расспросить дядю о достопримечательностях нашего края?

Услышав мои вопросы, мистер Джеффрис даже просиял. Я еще раз удивился необычайной подвижности черт его лица, как будто оно сделано из гуттаперчи.

– Не угадали, – ответил мне англичанин. – Я собираюсь писать в основном о вашем национальном фольклоре. Ваш дядя много знает о поразительных суевериях, которые...

– Да, – довольно резко перебил я Джеффриса. – Мы вдоволь наслушались крестьянских вымыслов.

Думаю, гость уловил сердитые нотки в моем голосе и сразу же постарался исправить допущенную оплошность.

– Конечно, у современного человека подобные суеверия не вызывают ничего, кроме усмешки. Представляю, как они донимают вашу семью. Думаю, вы не раз задавались вопросом: ну как можно верить в подобную чепуху? Я отношу себя к рационально мыслящим людям и потому намерен в своей статье показать всю глупость этих суеверий. Я постараюсь, образно говоря, вывернуть их наизнанку, чтобы читатели поняли: суеверия не имеют под собой никакой реальной основы. Из писем вашего дяди мне стало ясно, что он готов мне в этом помочь. Очень любезно с его стороны.

– Дядя – удивительный человек, – промолвил я, успокоившись. – Он очень щедр к нам, а то, что он предпочитает затворническую жизнь... что ж, у каждого есть свои слабости.

– По-моему, это вполне нормально. Зачем вашему дяде общаться с теми, кто считает его чудовищем?

Едва Джеффрис произнес эти слова, я сразу же понял: у журналиста тонкое чутье. Конечно, он был прав. Сказанное Джеффрисом убедительно объясняло, почему В. общается только с нами и кучером Ласло, но избегает слуг. Вчерашние предостережения Машики Ивановны мгновенно утратили их пугающую неопределенность, а презрительные слова дяди о крестьянах больше не казались мне "феодалным пережитком". Простая и логичная позиция Джеффриса подействовала на меня, как солнце, рассеявшее тягостную мглу.

Я рассказал журналисту о желании дяди отправиться в Англию. Чем больше я говорил об этом, тем ярче вырисовывалась для меня самого воодушевляющая перспектива вырваться отсюда и забыть о крестьянских суевериях. Мы побеседовали с Джеффрисом об отсталости Трансильвании по сравнению с быстро меняющимся миром. Он напрямую спросил, не тяжело ли нам жить в этой глуши. Я не стал таиться и ответил, что тяжело: деревня вымирает, а оторванность от цивилизации сказывается на нас не лучшим образом.

Затем наша беседа перешла на более приятные темы. Мы говорили об Англии. Из широкого окна гостиной в северном крыле, где мы очутились в ходе нашей прогулки по замку, открывался захватывающий вид. Замок стоит над пропастью глубиной никак не меньше тысячи футов. Дна ее не видно, а вокруг до самого горизонта простираются зеленые леса.

– Боже милосердный, – изумленно выдохнул Джеффрис. – Я еще не видел таких глубоких пропастей! Наверное, она уходит вниз на целую милю.

От такой головокружительной высоты англичанину стало немного не по себе. Достав из кармана жилетки носовой платок, он вытер покрывшийся испариной лоб (я подавил ироничную улыбку, увидев, что и платок тоже украшала знакомая монограмма с крупной буквой "J").

Я успокоил гостя, объяснив ему, что глубина пропасти на самом деле значительно меньше, а затем стал рассказывать историю строительства замка. Такое место было выбрано не случайно. Замок поставили на вершине скалы, и пропасть защищала подступы к нему с востока, севера и запада Уязвимой оставалась только южная сторона, откуда и исходила главная угроза (я имел в виду набеги турок). Джеффрис слушал с неподдельным интересом. Достав блокнотик, он даже стал делать пометки, однако вид из окна действовал на него угнетающе. Тогда я предложил гостю перейти в центральную часть замка, в мрачноватую, похожую на пещеру гостиную, где когда-то мои далекие предки принимали именитых гостей. Англичанина весьма впечатлило превосходное состояние старинной мебели и роскошных парчовых шпалер, часть которых была расшита золотом. Когда мы подошли к громадному, значительно превышающему человеческий рост портрету, что висел над очагом и занимал собой изрядную часть стены, Джеффрис затаил дыхание. Он повернулся ко мне и с удивлением спросил:

– Это... ваш портрет?

Эхо унесло его вопрос под своды потолка, Я слегка улыбнулся и покачал головой.

– Нет, мистер Джеффрис. Картина написана в пятнадцатом веке.

– Но взгляните, – не унимался англичанин. – У этого человека ваш нос... ваши усы... ваши губы (Джеффрис не заметил, что усы человека на портрете были намного гуще моих), такая же ярко-красная полная нижняя губа, темные волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.